

В. Разумный

**ВЕНЕЦ ТВОРЕНИЯ
ИЛИ**

ОШИБКА ПРИРОДЫ

/ Парадоксы философии йехуизма /

***Парадокс первый:
Человек на анатомическом
столе природы***

***Парадокс второй:
Общественное животное
или животное в обществе.***

МОСКВА 2001

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Часть первая. ВЗГЛЯД В ЗЕРКАЛО</i>	3
ЧЕЛОВЕК НА АНАТОМИЧЕСКОМ СТОЛЕ ПРИРОДЫ / парадокс первый /	3
ТЕРСИТ ИЛИ АПОЛЛОН	8
КЕНТАВР ИЛИ ПТИЦА – ФЕНИКС	15
НОСОРОГИ ИЛИ РЫЦАРИ	25
БЕСЧЕЛОВЕЧЬЕ В ЧЕЛОВЕКЕ / парадокс второй /	34
ОБЩЕСТВЕННОЕ ЖИВОТНОЕ ИЛИ ЖИВОТНОЕ В ОБЩЕСТВЕ	35

Часть первая.
ВЗГЛЯД В ЗЕРКАЛО

**ЧЕЛОВЕК НА АНАТОМИЧЕСКОМ
СТОЛЕ ПРИРОДЫ**
/ парадокс первый /

Вселенная тысячелетиями манит человечество непостижимостью безграничности и безграничностью вновь и вновь постигаемого. Влекомое таинственными миражами бытия, вплетенными в неизбежную повседневную практику, иллюзиями его устойчивости в Космосе, оно стремится охватить все его проявления, все грани загадочного мироздания. И прежде всего решить загадку загадок – объяснить сущность самого человека и его место в природе как воплощения духа. Особенно в нынешних парадоксальных условиях превращения его из обычного, заурядного живого существа в зловещую космическую силу. А парадоксальные условия предполагают и парадоксальные их истолкования, которые мною и предлагаются на суд думающего неординарно читателя.

С того начала начал, когда затеплилась жизнь человеческого духа в нашем неведомом прародителе, он начал развиваться по обратной асимптоте, от первоначального синкретизма до пугающей дифференциации. Его динамику можно сопоставить с цепной ядерной реакцией, преобразующей весь наш пространственно – временной мир в планетарном масштабе. словно при землетрясении или волне цунами, смывающей все на пути, поколеблены сравнительно константные характеристики изначального движения духа, веками предопределявшие устойчивое содержание систем знаний, эмоций и верований, выработанных тем или иным этносом.

В прошлом судьба / или историческая закономерность, что в конечном счете в интересующей меня связи безразлично / давала каждому племени, роду, этносу возможность относительно стабильной самореализации. Но тогда же началось постепенное нарастание темпа вращения маховика процесса, неопределенно именуемого историей, вращения, ставшего ныне действительно пугающим как по темпам, так и по последствиям, которые ощущают все живущее ныне, сейчас, в современной ситуации.

Духовное старение и непрогнозируемое возрождение социальных структур, совокупность которых и есть человек, длится ныне не тысячелетия и не века. Они в условиях информационной цивилизации протекают за десять – пятнадцать лет, как говорится, на глазах одного поколения, порождая в обыденном сознании не только отблески новых откровений всеильного духа, но и самые пещерные эсхатологические представления. И конечно же – скрытый и тщательно маскируемый животный страх перед неопределенным будущим, где все – зыбко и непредсказуемо. Вот почему в этом обыденном сознании сегодня причудливо сочетаются осколки Просвещения и его научных идеалов с самыми что ни на есть апокалиптическими представлениями, идущими от иранской эсхатологии, от иудейской Книги пророка Даниила, от третьей из Сивиллиных книг, от тайного знания буддизма и суфизма.

Лукавый же разум, бессильный познать безграничность, истинную сущность или природу взбаламученной духовной жизни человека информационной цивилизации, делает своеобразное теоретическое сальто-мортале, смещая акцент на истолкование изначального предопределенного места человека в мире. Так появляются вызывающие определенный теоретический интерес эгоцентристские, биоцентристские, антропоцентристские, нооцентристские научные концепции нашей Вселенной. Но на бытовом уровне они становятся неизменным и уныло-однообразным фактором эмоциональной жизни всего человечества благодаря новым средствам массовой информации. На глазах изумленных поборников истины размывается целостный монолит древнейших, изначальных верований на миллиарды сектантских ручейков; сминается словно бульдозером призрачный монолит философских построений, от которых остается лишь щебень более или менее привлекательных литературных упражнений, в завалах

которого пытаются пропищать о себе и наши марксоиды, либо повторяющие зады марксизма о соотношении абстрактного и конкретного, либо вообще договаривающиеся / к радости столичной околонучной «тусовки» / до анафемы самому факту человеческого бытия с провинциальной амбициозностью; вытесняется мутным потоком всеобщего дилетантизма высокое искусство – гордость мировой цивилизации. Массив руин ныне нарастает с умопомрачительной интенсивностью, ибо наряду с профессиональной научной литературой в информационную эпоху подобно раковой опухоли расширяется область литературы, претендующей на научность, точнее – наукообразной, создателем которой может быть любой на уровне начального образования. Лишь бы оплатил издание...

Здесь зловещая сверхзадача темных и неведомых сил вполне очевидна - отвлечение мятущегося человеческого духа,

предошущающего со времен пророка Даниила и Иоанна Богослова великую истину о величии и преходящем значении человека как венца творения и ошибке природы, как о существе богоравном и несовершенном от критического, объективного самопознания. Истину, которая всегда вызывала и вызывает неосознанный, первобытный страх у рода человеческого, но которая в действительности имеет в основе своей конструктивное, животворящее начало и дает основание / пусть – зыбкое и призрачное в космической перспективе / для социального оптимизма и индивидуальной жизненной, конструктивной силы на отведенный каждому из нас мизерный срок.

В последнее время в беседах с растерявшимися, но неизменно чванливыми представителями почившей в бозе философии, избравших себе иной, более прибыльный в материальном отношении статус политологов, социологов, сексологов, культурологов, имиджологов, вариологов, равно как и с их вечными коллегами и иллюзорными оппонентами – корыстными служителями канонических конфессий и бесчисленных сект не без познавательного любопытства наблюдаю, как у них возникает трогательное единодушие в агрессивном неприятии моей мысли о человеке как венце творения и ошибке природы одновременно. «Как ? - в исступлении вопиют профессиональные «любители мудрости». Разве природа может ошибаться ? Ведь ею движет высшая целесообразность, приводящая в мир все новые и новые формы движения. И человек – только венец этого движения природы, его цель и идеал; мысль же об ошибке природы – от лукавого». Правда, в попытках обосновать эту однобокую, недialeктическую идею они находят столь разные пути и столь разные логические схемы – паутины, что говорить о возможности сколь – либо рационального обобщения в систему понятий всего хаоса их мыслей о человеке не приходится. Естественно, что спорить с ними – дело вполне бесполезное.

Впрочем, не буду даже пытаться предлагать вдумчивому читателю подобную схематизацию, ибо все различия нынешних претендентов на всеобщее и универсальное звание, на статус оригинальных философов более иллюзорны, чем во времена Александра Македонского. Напомню, что тогда все греки отказались от такого мужского украшения, как борода, все – кроме философов, ибо для последних вычурные контуры бород оказались единственным отличительным признаком своеобразия, индивидуальной неповторимости мыслителей.

Приглядитесь повнимательнее – и вы увидите примечательное возрождение древней знаковой философской символики в среде наших современников, особо отчетливо просвечивающееся на их бесчисленных и бесплодных диспутах, симпозиумах, конференциях – в чванливом поведении, в безапелляционных и банальных наукообразных суждениях, в традиционных, у древних позаимствованных заклинаниях, в презрении к любой, неординарной мысли, рожденной не в их головах.

Представители древнейших, реликтовых верований, бытующих и поныне, традиционной «языческой» мифологии, религиозных конфессий и целого моря сектантских построений и верований в равной мере встречают мысль о человеке как венце творения и ошибке природы со столь же агрессивной неприязнью. Им, всегда отстаивающим идею креацинизма или божественного Творения, кажется кощунственным предположение о возможности какой – либо ошибки божества как высшего совершенства

/ безотносительно к его исторической, социокультурной интерпретации / .«Ошибочность», то – есть греховность, несовершенство человека предпочитают относить на счет внешних злых, темных сил, демонов, ангелов тьмы, рокового влияния которых и следует нам всем опасаться, но отнюдь не на счет его изначальной противоречивости, породившей ныне море роковых вопросов о самой судьбе человечества. Традиционная теодицея исключает иное решение проблемы, оправдывая Творца в отношении разворачивающегося в несовершенном мире зла. Но им до сих пор не удалось преодолеть парадоксального суждения Эпикура, утверждавшего, что или Бог желает избавить мир от несчастий, но не может, или может, но не желает, или не может и не желает, или и может и желает. Первый, второй и третий случаи не отвечают представлению о Боге, а последний не согласуется с фактом существования зла в мире. Вчитайтесь в Великие книги человечества, не искаженные, словно стройные корабли, только спущенные со стапелей, множеством ракушек-прилипал и прочими неорганичными для них историческими теологическими и философскими наростами, и Вы с изумлением обнаружите признания Творцов бессмертных Книг человечества об ошибочности процесса человекотворения, о несовершенстве Человека как беспорной вершине этого процесса.

Так, каждый внимательный читатель Библии / увь, их сегодня до сих пор – единицы даже среди верующих, подавляющему большинству которых просто неведом ее текст во все его эстетическом великолепии и духовной значимости, точно также, как неведома была большинству марксоидов великая книга новой эпохи – «Капитал» К. Маркса, которую они сегодня лихо изничтожают / не мог не заметить противоречия между заветом Творца первому человеку: «Плодитесь и размножайтесь!» и разразившимся буквально в следующей главе его космическим гневом на Адама и Еву, познавших друг друга во всей прелести обнаженного естества, познавших наготу. Но не торопитесь со скоропалительными выводами о сути подобного противоречия, в частности – о одновременности написания первых же глав Книги Бытия. Постарайтесь более внимательно вчитаться в текст Библии, осмыслить те опасения, которые обуревали Демиурга, изгнавшего Адама и Еву из сада Едемского, предварительно одев их в одежды кожаные и навсегда преградив им путь к Древу жизни.

Нет, Всевышний опасался не наготы сотворенных им существ и их потомков, а приобщения их к тому сонму вечных, то – есть подлинно совершенных носителей и хранителей Духа, которые окружали его престол. Именно к ним обращены его слова в Первой книге Моисеевой – Бытие / Глава 3. 22 /: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно». Так значит, была у человека изначальна такая возможность и он ее не использовал – вот в чем тайна всех тайн нашего бытия!

Наивно полагать, что совершенство и ошибочность как незыблемые, изначальна свойственные природе качества допускают применительно к трактовке человека представители иных, развивавшихся вне влияния иудейско-христианской традиции вероучений. Нечто подобное приписывают им приверженные легковесной и прибыльной журналистике авторы, рассуждающие, например, о своеобразии ведических концепций человека, о сути тех метаморфоз, которые претерпевает его душа в космическом развитии, переходя из одного состояния в другое. Рассуждающие, игнорируя научные исследования серьезных ученых - специалистов и даже подлинные, вполне доступные ныне классические тексты ведической литературы, освоив только пару терминов вроде «кармы» и «инкарнации». Поверив им, можно предположить, что душа человека как живой и ограниченной во времени твари, равно как и все проявления творящей силы его духа остаются неизменными в скорлупе тех раковин, которыми скрывает их как покрывалом неодолимое течение времени. Совсем как в «Золотом осле» Апулея, где некогда счастливый и благополучный Луций, превращенный в несчастнейшего осла, продолжает думать, переживать, верить в его шкуре как человек.

Но так может полагать только до предела наивный человек, принимающий всерьез и на веру все современные бытовые интерпретации вероучений, поразившие, словно безграничные метастазы, их базовые ценности, равно как и выводы непрерывно

опровергающей самое себя легковесной научной беллетристики и массовой любительской дамской литературы, ставшей ныне весьма доходным делом. Как говорится на традиционном языке дьяволиады – бизнесом, кстати, одним из самых прибыльных / после нефтяного /. Будьте смелыми перед неизбежным и до ужаса близким Ничто – и Вы осознаете, что мысль о совершенстве человека и вместе с тем как ошибке Природы вполне аксиоматична для всех форм Мирового разума. В том числе и для такой как художественное творчество, которое знает не только идеализацию человека, его поэтическое возвеличивание как Венца творения, но и трезвую самооценку как ошибки Природы.

Так попытаемся же, следуя дорогой предков, предпринять вполне рискованное по последствиям путешествие в многоплановый мир аксиом, которые всегда вызывали и будут вызывать раздражение, переходящее в озлобление всех предающихся самолюбованию человеческих особей безотносительно к тем историческим одеждам, в которые они рядятся.

Предваряя раздумья о человеке как загадочной природной аномалии и тайне возникновения всесветской иллюзии о любом человеке как Венце творения, отмечу изуверски – утонченное противостояние поборников подобной иллюзии любым, даже самым робким и невинным по последствиям попыткам усомниться в идее абсолютной избранности или исключительности человека. Диапазон подобного противостояния поразительно широк: от прямого физического истребления всех тех, кто пытался и пытается объяснить антропогенез чисто естественными причинами и тем самым представить род человеческий закономерным звеном в эволюции живого мира до хитроумного низведения идей великих провидцев – мыслителей, художников, вероучителей об изначальной порочности человеческой природы в разряд сказок и детского чтения. Вспомните хотя бы судьбу учения Дарвина и перенос бессмертной сатиры Дж. Свифта – «Путешествий Гулливера» в разряд литературы для детей как вполне бесхитростной сказочки. Вспомните, как пророка XX века Федора Достоевского, бесстрашно показавшего нам самые темные уголки нашей души, европейское сытое и тупое до предела мещанство превратило в кумира, в модную часть интерьера любой квартиры.

Но не было и нет силы, способной приостановить изначальное стремление человека к трезвому самопознанию, без которого ныне просто немислим путь к реальному совершенствованию человека на краю разверзшейся перед ним бездны. От века к веку оно нарастает в геометрической прогрессии / позволю себе подобную характеристику / и стало ныне животворным мотивом действий, теоретических и художественных исканий, конструирования всеобщего символа веры тех, кого я всегда называл Подвижниками духа, **кто вселяет убеждение в возможность становления в провидимом будущем Человека как Венца творения – и своим личным примером, и своим творчеством. А главное – верой в то, что у человечества была какая - то иная, упущенная альтернатива развития, чем известный нам ныне печальный по последствиям ошибочный «исторический процесс» подавления, деформации человека созданными им же самим социальными институтами.** Теми институтами, среди которых доминирующее положение занимает государство, правомерность и оправданность которых никому не дозволено даже обсуждать.

Рискнем же поплыть против течения, против мощного потока отработанных веками догм и предубеждений, где стерты судьбы, характеры, реальные действия миллиардов индивидуальностей, навсегда канувших в Лету, но видна лишь призрачная пена стандартных до тошнотворности суждений, образных стереотипов и догм о нашем космическом всеилии и божественном совершенстве. О Человеке вообще как абстрактной идеальной сущности, лишенной плоти и крови, индивидуальности и исторического развития, этнического своеобразия и определенного уровня цивилизованности. Которого, естественно, может символически представлять только величественный и всеильный Властитель, чьи деяния – реформы и войны оказываются единственно достойным объектом легенд, мифов и писаной истории.

Попытаемся отместить эту пену и посмотреть на себя критически и прогностически

безотносительно к характеру цивилизаций, своеобразию этносов и социальной структуре в нелецеприятное зеркало трезвой самооценки. Посмотреть без естественной реакции раздражения и даже возмущения оскорбленных чувств от того, что нам неизбежно предстанет в зеркале. В конце концов, как в любой сказке, мы вольны разбить зеркало и примерно наказать того, кто поставил его перед нами как художник, мыслитель, вероучитель. А затем – возносить неумеренную хвалу величию исторически сложившегося человека, не замечая уже разверзшейся перед ним бездны небытия, порожденного его природным, а значит - социальным несовершенством. Несовершенством – в силу избранного им пути.

Кстати, не думайте, что эталоном в дальнейших отнюдь не ласкающих человеческое ухо рассуждениях о человеке как ошибке природы я самовлюбленно буду полагать себя как образец совершенства. *Homo sum; humani nihil a me alienum puto* / Я - человек, и ничто человеческое мне не чуждо /. Более того, почти восьмидесятилетний жизненный опыт дает мне достаточно оснований для обобщений о негативной, а порою – страшной сущности каждого современного человека на основе интроспекции. Полагаю, что на пороге небытия имею право на свободу суждения, ибо дальше – тишина, за которой – радости и страдания все новых и новых поколений, с унылой цикличностью повторяющих все наши / мои и миллиардов людей, уже исчезнувших навсегда / ошибки на тернистом тысячелетнем пути к подлинному Человеку, к *Homo divinas*, к Венцу творения. В его пришествии я не сомневаюсь, иначе жизнь потеряла бы навсегда какой – либо смысл и превратилась бы в кошмарный процесс выживания аномального существа, которому сегодня подвластны действительно адские силы.

Логика моего путешествия в мир человека весьма проста: сопоставление его с бескрайним миром живой природы - эталоном совершенства в морфологическом, физиологическом и поведенческом отношении, критическое сравнение его потенций как Венца творения с тем, что ныне реально стало его ошибочной социальной природой и обращение из Будущего в Прошое с вопросом об упущенной возможности нормального пути становления человека.

Итак – вместе и вперед с неуклонным стремлением к правдивости и честности, где нашими добрыми гидами будут мудрейшие скептики прошлых эпох, мыслители, художники, вероучители, осмелившиеся сформулировать крамольную гипотезу о реальном, историческом человеке как ошибке природы и одновременно выдвинуть утопические идеи, образные представления, основания веры в грядущего совершенного человека, подлинного Венца творения.

ТЕРСИТ ИЛИ АПОЛЛОН

Природа, неживая и живая, при всей относительности такого деления, совершенна, ибо она в непостижимой безграничности **системна, устойчива, гармонична** даже в дисгармонии. Ее совершенство – не сфера оценки кем-либо, но реальный и изначальный факт бытия. Сколь не изощрялся бы человеческий дух на протяжении тысячелетий в такой оценке, не он порождает это совершенство и не только он открывает его. Здесь – тайна, здесь – непостижимость.

Звездам – нет счета, бездне – дна. Сие – истина, и лучше – не скажешь, сколько бы не устремляли взор миллионы миллионов человеческих существ в просторы Вселенной. И при всей видимой хаотичности и неупорядоченности, она дает нам, мелькающим в ней не долее микрочастиц, высший образец системности, устойчивости и гармонии. Наш, человеческий лепет о музыке сфер, о божественности мироздания представляется в соотношении с масштабами многоплановой Вселенной лишь проявлением импотентности духа, изначально амбициозного.

Первовещество в огненном горниле порождает то, что мы называем миром минералов. И весь этот мир, от простой горной породы до алмаза, скрывающего в себе огненный спектр Вселенной, абсолютно и изначально совершенен. Даже в космических катастрофах и катаклизмах. Для осмысления данного непреложного факта отнюдь не обязательно посещать прекрасные минералогические музеи и коллекции, создание которых можно отнести к сфере бесспорного торжества Духа, Мирового разума. Надо быть простым и непредубежденным изысками так называемой человеческой цивилизации наблюдателем. Рассыпьте на ладони песчинки, взгляните в их несказуемое многообразие – и вы приобщитесь к мистике совершенства всей природы, проявляющегося в любой из них.

Космос или Бог / пусть продолжают искать универсального объяснения их антитезе бородатые мыслители и вероучители прошлого и будущего и вдохновляемые поэтическим безумием юноши / породили на нашей голубой планете **неудержимую агрессию жизни**, весь растительный и животный мир. Казалось бы, что загадочность бесчисленности ее проявлений / а мы до сих пор не без внутреннего трепета перед величием Природы умножаем классификатор растений и живых существ, исчисляя их уже миллионами и «открывая» все новую их безграничность – ведь нам до сих пор известны не более одного процента живых существ в Мировом океане! / исключает фундаментальный принцип системности, устойчивости и гармонии. Но эта кажимость – лишь игра или шутка нашей, доступной нам Природы, которая незыблемо продолжает следовать таинственной закономерности единства в многообразии.

Вспомните те редкие для нас, рабов асфальтовых трущоб мгновения, когда удается после всех транспортных передрыг, после нетерпимой атмосферы зловонных, пропахших потом и дезодорантами электричек либо бензинового чада столь же убогих, отделяющих нас от Природы персональных машин рухнуть на обычную и как будто бы лишенную тропической экзотики лесную поляну. Проходят минуты – и вы начинаете различать бесхитростные лесные цветы и замысловатые травинки, а затем – восхищаться их многообразием. Но во всем этом божественном и величественном многообразии нет никакого **отклонения от нормы**, иначе говоря - от того видового и родового принципа системности, устойчивости и гармонии, который характерен для совершенства любого природного феномена. Здесь разброс форм – поразителен: от нежного ландыша подмосковных лесов до колючего кактуса мексиканских пустынь, от лишайника Новой Земли до лиан тропических джунглей Мадагаскара, от весенних тюльпанов в Кара – Кумах до мощных баобабов Африки. Но как бы ни был велик подобный разброс, он никогда не нарушает нормы как основы устойчивого природного совершенства.

Не нарушает его и мир живых существ, насчитывающий по данным естествоиспытателей до полутора миллионов видов! Вы только задумайтесь над тем, как озадачивает, нет, скажу определеннее – ошарашивает нас творящая Природа этим живым космосом. Здесь и вполне фантастические живые существа из глубин Мирового

Океана, формы которых столь поразительны, столь невероятны, что никакому из прославленных художников не дано создать продуктивным человеческим воображением что-либо подобное. Вот вышагивает среди застывших, словно кораллы водорослей как гном в тундре вопросительный знак, а над ним сверкает всеми возможными и невозможными красками полукраб, полуветка колючей одушевленной жимолости. Где-то выше, в туманном облаке океанских глубин, парят какие – то живые листья, шары – ежи, стремительные, неуловимые глазом змееподобные молнии других рыб.

А далее – могучая симфония живущих в водной стихии существ, каждое из которых абсолютно и незыблемо выражает норму рода и вида, его совершенство. Акула – всегда акула, быстрая как молния, пластичная как подлинная хозяйка и богиня морских просторов. Любой нелепо шлепающий по прибрежным скалам тюлень превращается в глубинах моря в подводного акробата, выделяющего такие сальто-мортале и поэтические пируэты, которые фатально недоступны любому прославленному акробату или танцовщику, всегда тождественен другому родственному ему тюленю и **не отступает за норму вида.**

Перенесемся мысленно на сушу, где столь же неукротимо буйствует жизнь на основе тех же **единых норм совершенства морфологической организации.** Подчеркну для взаимопонимания с тобой, мой читатель, что в этой главе сначала речь идет о морфологии и только о морфологии как форме и строении растительных организмов, а стало быть – и о соответствующей науке. Теперь мы все лучше и глубже знаем ее благодаря героическому труду ученых – создателей зоопарков в разных уголках нашей планеты, а также новому чуду человеческого гения - кинематографу, фотографии и телевидению. Конечно, мы имеем и свой, индивидуальный опыт общения с животными, дикими и домашними, положительный и отрицательный, трезвый и основанный на предубеждениях и вымыслах.

Для меня, например, в силу индивидуальной судьбы заброшенного на неизменное взаимодействие с человеческой толпой и откровенно ненавидящего и избегающего ее, единственным спасением всегда были братья наши меньшие, от змей и черепах до мудрых и преданных собак. Даже засыпая, я держу их рядом с собой в постели, любясь постоянной для них прелестью, безотносительно к тому, что со временем особи сменяют друг друга в силу кратковременности их земного бытия. Но новые средства межчеловеческих коммуникаций и информации дают всем нам качественно иное представление о животных как образце природного совершенства, о соответствии каждого из них **норме.** Недавно дочь подарила мне нечто недоступное русскому профессору по финансам сокровище – «тарелку» многоканального цифрового ретранслятора НТВ-плюс. И сразу же – прощай устоявшийся режим работы за столом и со студентами, ибо мне открылся круглосуточный канал «Живая планета». На экране замелькали один за другим фильмы о животном мире, созданные бесстрашными и влюбленными в очарование этого мира, в его загадочное, действительно божественное совершенство естествоиспытателями, которых не страшат ни морские бездны, ни льды Арктики, ни выжженные пустыни Африки и Азии.

Как все подлинно духовное в нашей многотрудной жизни, подобные фильмы рождают множество ассоциаций, подводят к самым неожиданным, порою парадоксальным выводам, в том числе и социально – педагогического характера. Так, нельзя отделаться от чувства обиды за российскую детвору, лишенную возможности подняться до призвания и уровня человека через созерцание совершенства всей живой природы, вырваться из-под влияния наших пораженных бациллой идиотизма «свободных» средств массовой информации, перед которым бледнеет тлетворная значимость всех рипарографов прошлого. Но первое и неотразимое впечатление – признание красоты всего естественного и естественной красоты живой природы. Той красоты, которая служит неотразимым аргументом правоты теоретиков, выделивших в качестве ее признаков **системность, устойчивость, гармонию.** А также заразительности прекрасного в мире животных, ибо все те, кто работает с ними, кто показывает их нам и рассказывает о них, неведомым образом предстают как более совершенные, гармоничные существа, чем их сородичи в иллюзорном эстетическом

оформлении. Здесь – тайна и конечная цель моего поиска.

На какое живое существо из полутора миллионов видов не падет наш пытливый взор, оно всегда демонстрирует торжество системности. Любая львица, обладающая всеми признаками вида как индивидуальность / а живому существу присуща индивидуальность /, никогда не выходит за рамки **принципа системы**, если это, конечно, не больное, выморочное животное. Переведите взор с одного животного на другое в прайде - и вы убедитесь в справедливости моих слов. Думаю, что вы согласитесь и с мыслью об устойчивости на индивидуальном уровне этой живой системы на разных возрастных этапах и в разных внешних обстоятельствах. Даже в клетке, в условиях полного унижения ее царственного достоинства, она остается гордой, мощной, не побоюсь сказать – величественной. Нет, выводы мои относятся отнюдь не только к породе Царя зверей, но и к любому без исключения существу, ползающему, летающему, прыгающему, плавающему, бегающему на нашей Земле.

Что же касается **гармонии как признака совершенства в живой природе**, то он изначально предопределен теми законами выживания, которые характеризуют нишу, занятую в мире тем или иным видом. Дисгармония здесь означала бы индивидуальную смерть. Агрессия жизни – не только хаотичное и торжествующее ее вселенское шествие, но и пластичное приспособление к условиям и ситуациям. Гармония как принцип совершенства живого на морфологическом уровне и есть результат приспособления единого и целостного организма – к бесконечно вариативной среде и порождаемой ею ситуациями.

Нарцисс, взглянувший в зеркало прохладного ручья, увидел лишь внешне совершенный образ живой и прекрасной твари. Сколько бы он не вглядывался в него, ничего иного он бы и не увидел. Вполне как моя любимая собака – мощный стаффордширский терьер, часами озадаченно разглядывающая свое отражение в загадочном для нее зеркале. Впрочем, что повторяют все собаки без исключения в подобных обстоятельствах. Не то соплеменники Нарцисса, избежавшие его индивидуальной плачевной участи и зашагавшие в гордом самомнении о своем исключительном и неповторимом морфологическом совершенстве из прошлого в будущее. Они попытались на теоретическом, художественно – творческом, на уровне интерпретации великих и малых вероучений обосновать это совершенство.

Озаренные светом разума, они начали утверждать, что человек – мера всех вещей, что именно он – основа загадочного Золотого сечения. У истоков европейской цивилизации они стали искать канон – образец и норму высшего природного совершенства, доступную математическому анализу. Казалось бы, все было вычислено, подвержено бесстрастному объективному анализу. Но не тут-то было, ибо европейские морфологические представления о совершенстве человека как природного существа сразу же пришли в вопиющее и даже трагическое противоречие с теоретической самооценкой своей эстетической избранности других рас и этносов. Системность, гармония, устойчивость с позиций европейца оказалась для негроидной расы чем-то нелепым, алогичным и даже комичным, а для желтой расы – откровенно отталкивающим и не соответствующим признакам «настоящего человека». Мыслителям волей – неволей пришлось отказаться от абстракции «человек» как знакового обозначения особого живого существа и признать бессистемность, неустойчивость и дисгармонию реальным фактом существования рас и этносов.

Подлинный же логический тупик перед мыслителями и исследователями возник при подходе к отдельному, конкретному человеку, к живой индивидуальности, из которых и состоит загадочное человечество или Человек. Здесь пораженному взору эстетических снобов открывается такая бездна отступлений от меры, проще говоря – такая безмерность физических аномалий или даже уродств с позиций абстрактных представлений о морфологическом идеале, что говорить о совершенстве подобного живого существа просто бессмысленно. Программисты попытались, следуя стереотипам женской красоты, насаждаемым в европейских странах, создать образ средней компьютерной красавицы. На удивление, на экране монитора она предстала как чудовищная, несообразная ни с чем уродина. Единственным ее достоинством оказалась

гладкая кожа. Немудрено, ибо каждый из нас в морфологическом отношении – аномален, но признать подобный факт отнюдь не склонен. Мы не хотим даже вспомнить те мучительные негативные переживания, которые обязательно испытывал каждый в юности, осматривая в зеркале свое обнаженное тело, даже не догадываясь, что **красота человека – не в его морфологической структуре, но в духовности**. Но об этой тайне тайн – речь впереди

Понимаю, что навлекая на себя неукротимый гнев всех представителей человеческой породы, убежденных в идеальности организации своей физической, / морфологической / структуры. Ну, уж если не своей, то некоего кумира, модели, живой куклы, модной ныне, сейчас у того или иного этноса. Не спеши, мой дорогой читатель, с молоком матери впитавший легенду о морфологическом совершенстве человеческой породы. Дело не только в том, что все подобные кумиры вопреки расхожему мнению абсолютно несовершенны в морфологическом плане. Но не буду обижать психологически неуравновешенных фанатов их красоты и совершенства, равно как привыкших к шумной славе так называемых звезд. Проведем более простой и наглядный эксперимент. Выйдем на улицу, присядем в погожий весенний, светлый вечерок на скамейку и попробуем беспристрастно вглядываться в прохожих, в их лица, фигуры, походку. Вот вышагивает глава семейства, брюшко которого едва позволяет ему сохранить равновесие, шея – заплыла жиром, ноги – дугой, руки асимметричны и мотаются как длинные тряпки. А вот – убежденная в своем очаровании молодая девушка, непомерно тонкие ноги которой / необдуманно выставляемые напоказ для сексуального привлечения / сразу переходят в тощий, неплодородный бюст, а шею украшает приплюснутая как украинский горшок голова, которую не может закамуфлировать нелепейшая прическа. Еще минута – и их сменяет стайка молодых парней, которые вполне могли бы послужить пособием в анатомическом театре для демонстрации отклонений от нормального развития живого, природного существа, у которых в структуре – все женоподобно. Представьте себе их обнаженными перед призывной комиссией военного комиссариата – и вы безусловно согласитесь со мною. Так и хочется все эти сотни и сотни тысяч ни в чем не схожих между собой алогичных полумонстров в морфологическом отношении, которых каждый ежедневно созерцает и в зеркале, и на телевизионном экране, и на пляже, и на эстраде, и в уличной толпе, и на безвкусных глянцевого журналах, посвященных жизни вполне уродливых в морфологическом плане «звезд» соотнести с какими-либо другими живыми существами, но это было бы эстетическим оскорблением для последних.

Не без юмора вспоминаю, как во время заседания одного из Ученых советов, в котором имею честь состоять и членом которого высоко ценю, ибо считаю представителями породы людей, являющейся надеждой человечества на пути к Венцу творения, высказал свой взгляд на морфологический облик человека. Естественно, начав с резкой и критичной самооценки своей внешности. Не скрою – был поражен непониманием, более того – реакцией обиды почти всех присутствующих. Разрядила обстановку пауза, во время которой мы смогли беспристрастно всмотреться и в себя, и друг в друга. Мудрый, сморщенный как высушенная груша миниатюрный аксакал от педагогики, обладающий не только фундаментальным запасом знаний, но и античным скепсисом, перевел взгляд с тощей как килька соседки, бесспорного авторитета в психологии, на маленького, напоминающего гнома солидного ученого, широко известного научной общественности работами по соотношению медицины и педагогики, мощные, как говорят спортсмены - накачанные бицепсы которого никак не монтировались с его габаритами, и выговорил задумчиво: «А ведь действительно!...». В итоге раздался общий гомерический хохот как признак торжества острого и самокритичного ума мудрых и тонко чувствующих людей, отлично понимающих, что достоинство человека отнюдь не в форме бедер, не в размере полового члена или структуре черепа.

Нет, ни в прошлом, ни в настоящем не смог ищущий и плодотворный человеческий ум теоретически обосновать мысль о человеке как Венце творения только в системе координат морфологической системы мира. Здесь не помогли ни египетская магия чисел, ни вычисления пифагорейцев, ни расчеты божественного Леонардо да Винчи, ни линия красоты Хогарта, ни все классики компьютерного мышления современности. Но

нарциссизм человеческой породы / если таковая существует как нечто единое / - фатален и неизменен от века к веку, о чем свидетельствует выработанный духом другой, параллельный, но отнюдь не тождественный рациональному пути способ поиска истины – эмоциональный или художественно – образный.

С того момента, когда первая пингвиниха рода человеческого / вспомните «Остров пингвинов» Анатоля Франса / наинула на свои узкие плечи шкуру, вызвав тем самым продолжающийся и поныне животный восторг самцов, переставших быть нормальными, а стало быть прекрасными животными, функция оформления, а иначе говоря – эстетической маскировки морфологических недостатков человека стала едва ли не главной в искусстве. Да и не только в искусстве.

Наивный макияж предков заменила промышленность, опирающаяся на успехи современной химии. В отличие от животных у каждой человеческой особи свой, неповторимый и далеко не приятный запах, свой цвет волос и структура кожи – на помощь в борьбе с природой пришла та деятельность оформления, которую мы ныне называем парфюмерией и которая уже реально грозит нанести нашей среде обитания непоправимый и необратимый вред. Как мужчины, так и женщины не мыслят ныне своего повседневного бытия без паст, притираний, помад, лаков, кремов, превращающих их в стандартные размалеванные манекены. Впрочем, влияние химии на человека в перспективе также не изучено должным образом, но мне оно представляется роковым. На индивидуальном же уровне все изощрения косметологов способствуют лишь наивной маскировке морфологических качеств каждого человека, который он сам вдруг начинает оценивать как недостатки, как отступление от неведомо кем измышленного эталона.

Не найдя теоретического пути нормализации, то – есть совершенствования человеческой природы, ее морфологии через труд, спорт, медицинские ухищрения / подобные тем косметическим операциям, которым радостно подвергают себя дряхлеющие самки рода человеческого, тщетно пытающиеся остановить беспощадное время в наш якобы всемогущий перед природой век /, люди создали бескрайний мир искусства, где главный лейтмотив – осанна совершенству человеческой природы. Посмотрите, какую галерею красавцев и красавиц, относящихся к власти преобладающим, но бывших в реальности почти уродами, оставила нам живопись нового времени! Но человек как был, так и остается в морфологическом отношении только голой обезьяной, лишенной какого бы то ни было единого, родового принципа физического совершенства. Таков и Цезарь, таков и бездомный бедолага в трущобах нынешнего мегаполиса.

Путая вполне наивно, но убежденно эстетический образ, создаваемый художественным творчеством, с индивидуальным человеческим прообразом, наивный в теоретическом отношении люди весьма часто возражают мне патетически, а то и с нескрываемой ненавистью, которая всегда является спутником истины, приводя примеры знаменитых див эстрады и модельерного бизнеса, голливудских звезд и очередных «мисс» - планеты, континента, государства, города и любого заштатного сельского поселка. Но совлекая мысленно и со здоровым цинизмом вместе с ними с живых манекенов – символические по значению одежды, знаки той или иной моды, поражающей ныне человечество похуже бубонной чумы, бессмысленные побрякушки – украшения / от спицы в носу африканской красавицы до отягчающие мочко уха всевозможные золотые и позолоченные серьги /, убеждаюсь, что мои оппоненты – поборники современной женской красоты довольно легко сдают свои «эстетические бастионы».

И уж совсем трогательное единение возникает тогда, когда я предлагаю всех самых очаровательных с их точки зрения, а стало быть – идеальных по совершенству в морфологическом плане человеческих особей женского пола раздеть до гола и вымыть в преотличной, всех равняющей русской бане. Среди подобных, лишенных какого бы то ни была макияжа и внешнего оформления тел кумиры женского пола, кинодивы и до предела амбициозные «всемирно известные» манекенщицы вдруг оказываются кривоногими, мослатыми, с непомерно широкими или со столь же непомерно узкими плечами и деформированной индивидуальным образом жизни головой, с сосками на нижней части живота, с обвислыми задками и с тупыми глазами. Не верите? Вспомните хотя бы унылые кинематографические сцены полового совокупления в ваннах, душах,

туалетах подобных записных красавиц – и вы невольно согласитесь со мною. Здесь даже неодолимый мужской половой инстинкт / почему – то именуемый сексом, хотя последний термин ничего иного, кроме генетического смешивания не означает /, украшающий бурным воображением даже чурбан или замочную скважину, не срабатывает.

Что касается человеческих особей мужского пола, то о совершенстве их форм, о догме, вбитой нам в голову как убогий стереотип, затуманивающий объективное зрение пресловутыми копиями Аполлона Бельведерского, Давида Микеланджело, статуями обнаженного Будды в миллионах учебников может всерьез говорить лишь человек, лишенный чувства юмора. Как только кинокумиры, принимаемые одурманенной наркотиком «общественного мнения» толпой почитателей и тем более – полуистеричных почитательниц, явно страдающих от комплекса половой неполноценности, за идеал физического совершенства, приоткроют торс или обнажат ноги, как правило – напоминающие традиционную конскую дугу, и уж тем более позволят себе раздеться до нага в постельных кинодрамах, морфологическое несовершенство самцов человека становится до обидного очевидным.

Тот же, кто обладает чувством юмора на уровне гениальности в оценке и самооценке как самцов, так и человеческих самок, кто видит их морфологическое несовершенство, не дающее основания нам, людям, претендовать в этом отношении на пальму первенства в мире живой природы, оказывается мудрым пророком человечества в деле его действительного движения к совершенству. Но пророков, как известно, всегда побивают камнями именно за правду прозрения.

Нет, мои дорогие оппоненты – защитники совершенства человеческой породы в морфологическом плане, интуитивно усматривающие в подобной вселенской правде намек и на себя, на всех нас без исключения – не мне принадлежит мысль об аномальности нашей животной породы. Задолго до меня Апулей глазами Луция из шкуры осла показал нам все «прелести» нашего человеческого совершенства. Вчитайтесь в Аристофана – и вы поймете, где первоисточник моих мыслей. И, наконец, великий и несравненный Свифт, которого и поныне ненавидят все фарисеи мира. Вспомним, что прежде всего увидел Лемюэль Гулливер на проезжей дороге в стране Гуингнмов. «... Я заметил в поле каких – то животных. Несколько таких же животных сидело на деревьях. Их странный и причудливый вид смутил меня. Я прилег за кустом, чтобы лучше их разглядеть. Некоторые из них приблизились к тому месту, где я спрятался, так что я отлично мог отлично разглядеть их. Голова и грудь у них были покрыты густыми волосами – у одних вьющимися, у других – гладкими. У многих из них были и бороды, похожие на козлиные. Вдоль спины и передней части лап тянулись узкие полосы шерсти. Но тело было голое, так что я мог видеть кожу темно-коричневого цвета. Хвостов у них не было. Самки были поменьше самцов: на головах у них росли длинные гладкие волосы, но лица были чистые, а все тело было покрыто только легким пушком. Волосы и у самцов, и у самок были разного цвета: коричневые, черные, рыжие. Они редко оставались в покое, все время бегали, прыгали и скакали с изумительным проворством. Крепкие и острые когти на передних и задних лапах позволяли им с ловкостью белки карабкаться на самые высокие деревья. В общем, во время моих путешествий я никогда еще не встречал более безобразных, более гнусных животных». Таковы – йеху. И какими же прекрасными, совершенными в системности, устойчивости, гармонии предстают у великого писателя лошади, те животные, силе, красоте и быстроте которых не уставал поражаться его Гулливер. Впрочем, как и все мы, люди, когда-либо видевшие эти действительно совершеннейшие живые существа.

Аристофан, Апулей, Свифт – не одиноки в трезвой оценке человеческой породы, лишенной всех необходимых признаков морфологического совершенства. Словно соревнуясь с поборниками идеализирующего искусства, которое абсолютно тождественно вселенскому карнавалу одеяний и драпировок, призванных символическим флером скрыть несовершенство фигуры завоевателя – коротышки либо какой-либо очередной первой леди, о сонме которых не без ожесточения и сарказма как – то сказал обозреватель «светской жизни», что все они просто обыкновенные бабы, мудрые художники и скульпторы всегда пытаются избавиться от катаракты стереотипного зрения.

И тогда мы видим шедевры Иеронима Босха и «Капричос» Гойи, мясную стихию беспощадного Рубенса и жесткую, я бы даже сказал – трагическую оценку всех нас как природного несовершенства Михаилом Шемякиным.

Невольно слышу змеиное шипение моих коллег – эстетиков, как в далеком прошлом, так и их современных эпигонов, для которых стало делом профессиональной чести / и, конечно же, заработка / веками отлаженным разношерстным хором доказывать, что тьмы истин нам дороже нас возвышающий обман. Этой тьме противостоит свет единой и простой как сама жизнь истины о природном морфологическом несовершенстве человека. Кстати, которое является не меньшей логической загадкой, чем само происхождение нашей породы, лишенной какого бы то ни было единого принципа совершенства. Возможно, в каком-то отношении человек – действительно Венец творения. Я далее попытаюсь вместе с вами обосновать эту возможность, впрочем – весьма зыбкую, если не призрачную, являющуюся моим символом веры. **Но искать ее надо, конечно, не в морфологии человека, не в его структурной физической организации.** Убежден – эта физическая организация несводима к единой норме, что не мешает всем нам, толстым и тонким, с животиками и без оных, кривоногим и коротконогим, косоглазым и лупоглазым, с белоснежной клавиатурой ровных зубов и щербатым претендовать в итоге, в перспективе на превращение человечества в Венец творения. Впрочем, не будем спешить, но будем следовать логике живой природы, последовательно рассматривая характеристические признаки ее совершенства.

КЕНТАВР ИЛИ ПТИЦА – ФЕНИКС

Эврика – невольно останавливает меня скептический разум. Ведь морфология человека слита воедино с его **физиологией**, с жизнедеятельностью организма, с процессами, протекающими в его системах, органах, тканях, клетках и т. д., делающим нас поразительно пластичными, способными приспособляться с самым разным, в том числе и экстремальным ситуациям, не меняя своей, человеческой породы.

Естественные науки скрупулезно и с предельной мерой объективности всесторонне изучили физиологию живого, показали ее истоки в неживом, открыли универсальную общность, системность в этом плане породившей нас природы. Они подошли к обобщенным характеристикам тех единых для природы процессов, которые мы именуем физиологическими. Главные из них, которые и есть координаты физиологического совершенства - **константность, пластичность, цикличность**.

Что касается нашей константности в физиологическом отношении как мнимом преимуществе перед совершенным миром неживой и живой природы, то она весьма проблематична и далеко не подтверждена достойным внимания временным масштабом. Что такое, в самом деле, какие-то два – три миллиона лет, которые мы уродуем окружающий мир, «приспосабливая» его к своим ненасытным нуждам, по сравнению со сроком в триста миллионов лет, в пределах которого преотлично пребывает обыкновенный и неистребимый таракан, да и многие другие животные. Мудрые биологи – исследователи предрекают, что за неизмеримо более короткий период мы будем уже не мы, а станем какими-то птицеподобными уродцами. Не об этом ли будущем напоминает нам прошлое - искусством Древнего Египта и исчезнувших цивилизаций Латинской Америки и Мексики? А, может быть, это прошлое было когда-то для неведомых нам человеческих цивилизаций роковым будущим физиологического превращения, перерождения нас в йеху?

То, что на бытовом уровне именуется обменом веществ, в природе живое реализует как устойчивое состояние системы в нестабильной ситуации. Идет вечная и титаническая борьба на всех уровнях живой системы во имя сохранения рода, вида, особи. И она всегда воспроизводится в определенных временных пределах, без каких-либо потрясений, изменений, мутаций. Выход за эти пределы означает рождение нового состояния, новой системы. Это – взрыв, от последствий которого ничего не остается в изжившей себя по тем или иным причинам системе. Исчезают динозавры, мамонты, другие мировые загадки природы, исчезают - чтобы вновь возродиться, словно легендарная птица – феникс, но уже в другом природном обличье. «Почти» динозавров либо «почти» мамонтов природа не породила, ибо все ее творения существуют в рамках отведенных загадочной и неведомой судьбой временных сроков и относительно стабильных пространственных условий бытования.

Не то – человек, словно всей своей историей / скажем точнее – антропогенезом / насмехающийся над принципом физиологической константности. Конечно, на всех этапах антропогенеза он был и остается носителем неизменных физиологических качеств, завещанных ему природой – характера клеточной структуры и ее функционирования, кровообращения, пищеварения, адаптации к изменяющимся условиям внешней среды, словом, всех тех качеств, которые с предельным многотрудием открыли и человеческая практика, и человеческая интуиция и его не имеющий никакого аналога в бескрайней вселенной живой и неживой природы интеллект.

Не случайно же все те процессы, которые характерны для природы, дают реальную базу для медицины, призванной облегчать многие, в том числе и чисто человеческие страдания на основе экспериментального изучения «дочеловеческой» природы. Даже простые операции на человеке не появились бы без вивисекции, то - есть прокливаемых поборниками всеобщего гуманизма операций на животных с целью изучения как причин болезней, так и путей их излечения, в том числе и хирургического. А на ком, как не на наших братьях наших меньших ставим мы самые поражающие по жестокости опыты – в барокамерах, в космосе, в изначально враждебной им среде обитания, дабы найти новый набор лекарств, это бесплодное подобие эликсиру

молодости великих алхимиков и творцов утешающих нас легендами как бранных и скоропреходящих во Вселенной живых тварей. И мы не сооружаем всем им нетленных памятником только потому, что жестокость наша в силу изначального цинизма человеческой породы базируется на амбициозном отрицании нашей животной константности, на мифе об исключительности физиологического человеческого совершенства как венца творения.

Но не следует забывать, что бесчисленные открытия человеческого интеллекта, его технические и технологические завоевания зачастую заимствованы в живой природе, к которой он сам первоначально принадлежал. Проблема эта достаточно детально исследована наукой, так что нет особой нужды пересказывать общеизвестное – о происхождении колеса и водопровода, каналов и пещерных жилищ. Гораздо интереснее отметить безграничные возможности, которые до сих пор щедро представляет человеку как своему порождению живая природа. У дельфинов и акул прошли выучку строители современных скоростных подводных атомоботов, новым методом локации людей учат дельфины, летучие мыши, змеи. Потребовалось многократно увеличить пропускную способность оптических волокон – на дне глубочайших впадин Мирового океана люди нашли готовый образец. Это – морской червь «Морская мышь», более известный под поэтическим названием «Афродита». Радужные эффекты, даваемые его волосами, послужили основанием для разработки математической модели оптических волокон нового поколения. В других же лабораториях материаловеды / пока – еще тщетно / пытаются постичь тайну непревзойденного шедевра физиологической организации в природе – паука и его паутины. Еще немного – и в ткачестве может произойти непредсказуемая по последствиям техническая революция.

Да, человек безусловно исключителен, ибо два божественных для него и неразделимых между собой фактора обусловили такую мутацию животного ряда, перед которой меркнут все изменения, происходящие в процессе естественного отбора и приспособления в борьбе за существование. Первый фактор – **труд** как целенаправленная и осмысленная деятельность по усвоению и приспособлению вещества природа при помощи орудий и средства труда. Второй - **слово** как средство общения на основе абстрактного мышления, как термин, выражающий понятие. То самое слово, которое, раз возникнув, запечатлелось в памяти всего человечества как величайшее из всех возможных чудес, как Божество – создатель. Наверное, палеонтологию этого великого открытия и уловил с гениальной поэтичностью евангелист Иоанн в своем Святом Благовествовании, начиная его удивительно: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Нам никогда не узнать, какое же было это первое божественное слово: «мама» или «дай», равно как не узнать праисторию божественного слова, ставшего языком мыслящего преобразователя в трудовом процессе природы. Но именно **божественное Слово** человека, вырвавшегося за рамки животной природы своей породы благодаря осмысленному труду, вызвало ядерную реакцию разрушения совершенной животной физиологии и ее очеловечивания со всеми неизбежными утратами.

С позиций исполненного непомерной гордыни современного человека / а точнее – с позиций совокупности бесчисленных пород, обобщенно именуемых человеком вопреки их полной несопоставимости по многим изначальным признакам, пород, порожденных Вавилонским столпотворением / очеловечивание физиологии – признак прогресса. Еще бы – мы не пожираем сырое мясо, разрывая его когтями, а готовим его тысячами способов, именуемых «национальной кухней». И нам мало простой мясной пищи, ибо феномен Гаргантюа стал нашим изначальным проклятием. Поэтому мы, люди, ненасытны и готовы уничтожить во имя этой нашей проклятой страсти все живое и действительно прекрасное. Вспомним об участии бизонов, оленей, белух, осетровых рыб, китов, тюленей, морских львов. Вспомним опустевшие прибрежные воды многих континентов, когда – то кишевшие рыбой, а ныне пустынных подобно песчаной Сахаре, тоже ставшей памятником человеческой ненасытности и изначальной страсти к неограниченному истреблению всего живого / да и не только живого /. И наши милые сердцу большие и малые реки, где ловят не рыбу, которую застало еще старшее

поколение, а каких – то мутантов, пропахших нефтью и пораженных неведомыми ранее лучевыми нечистотами, ловят всеми дозволенными и недозволенными средствами, вплоть до взрывов, окончательно разрушающий ареал обитания многих видов.

Мудрая и совершенная живая природа соразмеряет потребности всех миллионов живых видов с оптимальными задачами их выживания. Эти потребности – константны, а потому – подлинно рациональны, нормальны. У человека же чисто физиологическая **потребность в насыщении**, базирующаяся на реально существующей физиологической константе / о ней я невольно вспоминал, питаюсь чем Бог на душу положит в прифронтовых лесах 1941 года, а мои современники в тылу – таким же минимумом, необходимым для выживания / непрерывно и до абсурда меняется. Воин – ариец, наш отдаленный предок на Севере Урала, начавший великое переселение во главе с Рамой в блаженные южные места, питался почти так же.

Но уже вскоре осевший на земле домовитый русский крестьянин, ставший собственником небольшого по нынешним масштабам подворья, не мыслил удовлетворения своей физиологической потребности в еде на подобном уровне. Вот лишь одно свидетельство, дошедшее до нас из глубины веков, от времен Ивана Грозного, благодаря литературному подвигу протопопа Сильвестра, его духовника в течение многих лет и мученика в Соловецком монастыре.

Они пишет о том, что подавать к столу с Пасхального Воскресенья в мясоед: «С Пасхи в мясоед к столу подают: лебедей, потроха лебязьи, журавлей, цапель, уток, тетеревов, рябчиков, почки заячьи на вертеле, кур соленых / и желудок, шейку да печень куриные /, баранину соленую да баранину печеную, куриный бульон, крутую кашу, солонину, полотки, язык, лосину и зайчатину в латках, зайчатину соленую, заячьи пупки, кур жареных / кишечки, желудок да печень куриные /, жаворонков, потрошек, бараний сандрик, свинину, ветчину, карасей, сморчки, кундумы, двойные щи.

А к ужину подают студень, рябчиков, зайчатину печеную да уток, рябчиков жареных да тетеревов, баранину в полотках, зайчатину заливную, кур жареных, свинину да ветчину.

А еще в Пасхальный мясоед к столу еду подают рыбную: сельдь на пару, щуку на пару, леща на пару, лососину сушеную, белорыбицу сушеную, осетрину сушеную, спинки стерляжьей, белужину сушеную, спинки белужьи, спинки белорыбицы на пару, лещей на пару, уху с шафраном, уху из окуней, из плотиц, из лещей, из карасей.

Из заливных подают: белорыбицу свежую, стерлядь свежую, осетрину свежую, щучьи головы с чесноком, гольцов, осетрину шехонскую, осетрину косячную».

Проносились в бессмысленном вихре столетия человеческой истории, менялся набор всевозможной снеди и способов ее приготовления, константной же оставалась лишь природная составляющая потребности в насыщении. Человеческая же составляющая / вне рассмотрения в данном случае удивительной и антиприродной особенности людей обрекать большинство себе подобных на муки голодной смерти, которая даже в XXI веке является реальностью до полутора миллиардов нищих и обездоленных / все дальше и активнее отходила от какой-либо целесообразности.

Тщетно взывают мудрые диетологи типа Брега к разуму и чувству самосохранения представителей всех типов человеческой породы, к канонам тех вероучений, которым они якобы следуют – словно обезумевшие, люди изобретают всевозможные наполнители, красители, консерванты, ароматизаторы, регуляторы кислотности, миллионы типов которых постепенно вытесняют естественную, природосообразную пищу. Пропагандируемое в угоду беспощадному бизнесу / для которого не было и никогда не будет ничего святого, ибо он и мораль – абсолютно несовместимы / средствами массовой информации, всей мощью рекламы - этого очевиднейшего средства обидливания масс, дьявольское варево, именуемое ныне пищей среднего, «цивилизованного» человека с нарастающей интенсивностью меняет его физиологию. Еще немного – и мы скажем, что в данном, конкретном аспекте человек уже стал ошибкой природы.

Прелюбопытно, что нормальные живые существа / если они не оказались в условиях пищевого концлагеря / - собаки, всеядные вороны и воробьи, бездомные кошки с достойным уважением презрением отворачиваются от импортной колбасы и

всевозможного рода пищевых эрзацев, которые стали для нас повседневной пищей во всевозможных «бистро», «макдональдсах» и иного рода забегаловках.

Потребность в еде – не единственная универсальная для природы абсолютная физиологическая характеристика. В том числе и для растений, которых я чисто интуитивно считаю живыми, одушевленными существами. Не менее всеобщей и изначальной является и **половая потребность**, без удовлетворения которой нет и не может быть поддержания природного равновесия, константности в определенных временных пределах. Насколько же она разумна в мире всех без исключения живых существ, и в этом смысле – насколько она прекрасна! Повинуясь зову таинственного будущего – рода или вида, животные осуществляют эту функцию / конечно, при сопутствующей ей чувством удовлетворения, наслаждения / отнюдь не слепому инстинкту, но по велению души. Той самой всемирной души, которой они, безусловно, обладают и которая делает половую потребность / безотносительно к непередаваемому словами разнообразию форм ее удовлетворения / константой их бытия.

Половой инстинкт присущ нам, людям как одна из основ нашей природной составляющей. Его с полным основанием утверждает как добро наука, поэтизирует искусство, признает за ним творящее начало любое вероучение. Но уже давным-давно / и это ли – не дьяволиада, не торжество загадочных темных сил / скорее всего – с первых шагов человека по планете половую потребность как бы оторвали от ее истинного, природного смысла. Началась всемирная вакханалия половых извращенцев, от века к веку совершенствующих аномальное общение между полами, вакханалия, достигшая ныне предела. Нет, здесь речь идет не об изобретении все новых и утонченных форм полового общения / в конце концов и они могут служить делу продолжения человеческого рода, а потому – неподсудны любой, властью насаждаемой морали /, не о половой ненасытности отдельных человеческих особей, скажем – женщин, страдающих бешенством матки / ее знают и другие живые существа /. **Произошло перерождение полового общения в индустрию сексуальных развлечений, где уже не важен ни партнер с его чувствами и ценностями, ни окончательный результат – продолжение человеческого рода и появление здорового, совершенного потомства.** Природа мстит за себя – благодаря индустрии секса, постигаемой человечеством с малых лет, исчезло то подсознание, конструктивную силу которого открыл Зигмунд Фрейд, сместились половые ориентиры – и массовой стала армия лесбиянок и гомосексуалистов. Подобные отклонения от нормы, имеющие характер индивидуальных заболеваний и безусловно требующие деликатного отношения окружающих, приобрели характер эпидемии, если – не пандемии. Затухает половая активность мужчин, о чем свидетельствуют поражающие воображение цифры, характеризующие неодолимое возрастание числа процентов импотентов, тех самых бесполок существ, о которых мое здоровое предвоенное поколение и слыхом не слыхивало. Хотя, говоря откровенно, оно могло бы дать сотни очков вперед нынешней молодежи по половой активности.

А теперь, дорогой мой читатель, постараемся справедливо оценить подобные физиологические завоевания человеческого рода, перенеся их воображением на нормальную природную почву. Вот по заповеднику в Намибии вышагивает преисполненный мужской силы лев с каучуковой куклой львицы на плече. Минута – и он начинает мастурбировать на ней в тени баобаба. А на нем в это время мощный шимпанзе надел на свой детородный, отличных размеров член электронный вибратор и стонет от неизъяснимого восторга. В болоте же, еще не иссохшем от нестерпимого зноя, группа «новых крокодилов» воткнула десяток юных самок головой в зловонную жижу, на хвосты – привязала подобие циновки и режется в карты! Неподалеку, в саванне, парочка юных дикобразов, задрав поросшие колючками зады, стремглав голову бежит в кустарник, где начинается представление – стриптиз самцов.

Абсурд! Бред! Плод разгоряченной фантазии! Вот именно! Но для меняющегося человечества это, к сожалению, надвигающаяся реальность всеобщего перерождения и превращение в антиприродных существ. И когда, например, ислам в ряде стран противится подобному перерождению, выступающему под крикливым лозунгом «западной цивилизации», «свободы личности» довольно жесткими мерами, вплоть до

публичных пороков, я в душе солидарен с его поборниками. Но думаю, что и они уже безнадежно опоздали...

Не только потребность в пище и половая потребность – универсальны для всего живого, природного. Не менее существенна и потребность в дыхании, константная для всех живых существ - в прошлом, настоящем и провидимом будущем. Конечно, состав смеси газов, пригодных для дыхания, для всех животворных окислительных процессов в организме может меняться в силу чисто природных, естественных причин. Но даже его незначительное изменение приводит либо к исчезновению отдельных видов, либо к непредсказуемым мутациям. Биологи и экологи самых разных стран упорно / хотя и безнадежно / предупреждают человечество о зловещих последствиях того варварства, которым стали промышленная деятельность современного человека, уничтожение им лесов Южной Америки и Сибири, бесценных для всего живого на нашей планете коралловых рифов, перемешивание атмосферы современными авиалайнерами воздушного океана – нашей хрупкой защиты от космического излучения, необратимые изменения в качестве пресной воды. Даже глобальное изменение климата в результате этой деятельности сколь – либо ответственные ученые и государственные деятели признают свершившимся фактом. Признают – и не более того....

Но обыденное сознание масс, довольствующее столь же обыденными, примитивными рассуждениями журналистов, тиражируемых средствами массовой информации, лишь констатирует весьма спокойно этот факт. Всем вроде бы и дела нет до того доказанного наукой обстоятельства, что потепление климата на Земле приведет в ближайшие сто лет к подъему уровня Мирового океана, что под воду уйдут не только все пляжи, но и многие города.. Предполагается, что реальная климатическая катастрофа – дело неопределенного будущего, хотя она проявляется уже сегодня. Скажем, в том, что мы можем осознать на уровне индивидуальной практики, медленно задыхаясь в зловонной атмосфере нашей прелестной и хрупкой голубой планеты. Не спасает нас от этого космического бедствия ни жажда к перемене мест в поисках чистого, освежающего воздуха, ни стремление удалиться из кошмарных мегаполисов, где миллионы автомобилей и сотни тысяч промышленных предприятий превращают его в адский коктейль. Атмосфера безнадежно больна, и прежде тем страшным и невидимым компонентом этого коктейля, который не увидишь глазами, не ощутишь обонянием. Безнадежно больна и вся наша прелестная голубая планета, ждущая как прихода Мессии торжества *Homo divinas*.

Медицина, всесильная и действительно героическая не только в экстремальных ситуациях / я не говорю здесь о медиках – вымогателях, повседневно нарушающих клятву Гиппократова во имя иудейского, в духе Шейлока представления о выгоде профессиональной деятельности/, открывающая все более загадочные и невиданные ранее заболевания, в геометрической прогрессии вводит в наш обиход все новые и новые чудеса фармацевтики. О том, насколько масштабно распространение этих научных чудес у нас, в России, можно составить относительно верное, хотя и приближенное представление по уникальному изданию наших ученых и специалистов здравоохранения, систематически выпускающих «Энциклопедию лекарств» почти на полтора тысячах страниц убористого шрифта / Главный редактор - Ю. Ф. Крылов, Председатель Научно – редакционного совета М. Д. Машковский /. В «Энциклопедии лекарств», охватывающую лишь незначительную часть применяемых ныне в мире фармацевтических средств, включено 2800 торговых названий препаратов, 3060 лекарственных форм и 5250 упаковок! Но ведь все эти поразительные чудеса фармацевтики, в которых не нуждаются другие природные существа, в свою очередь неодолимо и незримо способствуют физиологическому перерождению человека.

Перерождению, обусловленному прежде всего тем, что человек как природное, живое существо не обладает той константностью, которой обладает все иное в природе. Он меняется, меняя и свое отношение к природе, абсолютно не учитывая заложенной в нем дьявольской силы уничтожения ради уничтожения. Поэтому вся природа благодаря человеку чахнет, скудеет, сморщивается как шагреневая кожа буквально на наших глазах, безропотно умирая. Исчезая во всей своей неизъяснимой прелести вопреки

титаническим и героическим стараниям тех немногих рыцарей печального образа от естествознания, которые хотят ее сохранить и передать будущему в первозданном совершенстве.

Человек, который выработал принципиально новые, неприродные механизмы потребления и торжество которых означает изменение в итоге, в перспективе его физиологии, ее базовых принципов, все время меняется как нестабильная система. Но с особой интенсивностью - в условиях информационной цивилизации. Еще немного – и реальным фактом станет искусственное питание / грубо говоря, потребление таблеток и капсул /, размножение вне полового контакта / сперма одного «идеального» человеческого самца - производителя дает возможность искусственного осеменения миллиона особей женского пола /, дыхание специальной, неприродной газовой смесью, целенаправленное и всеобщее внедрение искусственных органов, в том числе и тех, которые мы считаем базой интеллекта и поведенческих реакций. А далее – слово за чудесами генной инженерии, которая в итоге **заменит нас абсолютно неприродным существом**. Да какой там «в итоге» - уже сейчас, сегодня это происходит на обыденном уровне, не вызывая никаких опасений у исчезающего человеческого рода: мужчинам, пожелавшим стать женщинами и наоборот – женщинам, пожелавшим стать самцами рода человеческого, делают соответствующие, противоречащие здравому рассудку операции. А какой-то богатый чудак мобилизовал лучших хирургов для превращения... в крокодила! И само движение к подобному итогу – бесспорное доказательство того факта, что человек – роковая ошибка природы.

Пластичность - еще один универсальный физиологический признак живой природы. Все ее бесчисленные порождения в процессе предшествующей и трудно прослеживаемой объективными методами эволюции органично, подобно ртути в сосуде, заполняют отведенную им судьбой нишу выживания. Рассматривая всю фантастическую конструкцию природного небоскреба, где каждая живая тварь имеет и свой ареал распространения / этаж /, и общую с другими существами квартиру сожительства / гостиную на этаже /, и индивидуальный, беспощадно защищаемый индивидуальный номер – среду обитания рода и вида. Благодаря такой поистине божественной / иначе – не скажешь! / пластичности всем всего хватает – и для дыхания, и для питания, и для размножения. И именно благодаря этой пластичности природа никогда не выходит за рамки predetermined судьбой меры, не идет к саморазрушению

Мы часто обуреваемы страхами перед жестокостью природы, где все поедает всех, где и в ночи, и при ярком солнце бродят коварные и жадные убийцы. Львы терзают ни в чем не повинных зебр, крокодилы пожирают все живое на своем пути, волки уничтожают милых, беззащитных овец, акулы, касатки, мурены, щуки, пираньи словно чудовищные гарпии терроризируют весь сонм морских чудес, грозные орлы, парящие под полуденным солнцем и не менее грозные ночные убийцы – совы превращают в постоянный кошмар тихое, безобидное существование милых, добрых грызунов. Все это – абсолютно достоверно, но не дает правдивой картины пластичного сосуществования разных видов в гипотетическом небоскребе жизни. В нем же ни один живой «индивид» не выйдет из своей «квартиры», не нарушит принципа пластичности как основы физиологического существования системы.

Вот почему нас так поражают лев, мирно похрапывающий неподалеку от стада оленей, акула и мурена, включающиеся после насыщения в мирный подводный хоровод со своими потенциальными жертвами. Одним словом, когда все беспощадные убийцы сразу перестают быть таковыми после насыщения. Так же, как и в критической ситуации природного катаклизма, когда каждой особи, как говорится, не до жиру, а быть лишь живу, и инстинкт самосохранения преодолевает даже самый острый, нестерпимый голод. И ведь ищут же в подобных экстремальных ситуациях / пожарах, наводнениях, землетрясениях, извержение вулканов / все эти наивные бедолаги спасения рядом со своим самым страшным и беспощадным врагом - с человеком!

Можно предположить без достаточной уверенности, что и отдаленный от нас миллионами лет первобытный предок был столь же пластичен в пределах небоскреба жизни. Иными словами, был вполне нормален и спокойно до определенного периода

занимал свою нишу как бесспорный Венец творения или эволюции. Но по мере развития в нем каких-то особых человеческих начал он начал выламываться из индивидуальной ниши, а далее – крушить все на своем пути на отведенном ему мудрой природой этаже жизни, превращаясь в йеху. Более того, завоевав блага промышленной и информационной цивилизации, в миллионы раз умноживших его физиологические потребности и возможности, он стал изничтожать все на своем пути в мире природы, сотрясая весь небоскреб жизни и подводя к его катастрофическому и необратимому разрушению. Им стал руководить не разумный и природой предопределенный инстинкт выживания рода и вида, но зловещая сила разрушения, ныне приобретающая роковой, тотальный характер. Очаровательная птица – феникс, символ жизни, вечно умирающей и вечно возрождающейся на том же физиологическом уровне превращается в кентавра, где в адском вареве вновь и вновь возникаем мы, люди как носители природного начала в сочетании с аномальными, неведомыми мирозданию качествами. Их уже не назовешь физиологическими, но порождены они как раз мутацией нашего физиологического фундамента.

Убийство ради насыщения, являющееся нормальным и закономерным в небоскребе жизни, превращается в убийство ради убийства, уничтожения, алогичного истребления всех и вся. Бобры строят поразительные жилища для потомства и жизнеобеспечения, но их деятельность никогда не превращается в истребление той биомассы, без которой и им – конец. Человек же на наших глазах продолжает то роковое дело, которое начал уже тысячелетия тому назад, во имя потребностей своего не знающего разумных границ производства, уничтожив наполненные жизнью леса, обезводил и превратил в пустыни целые континенты. Ведь Сахара и Кара – Кумы – очевидное свидетельство преступной деятельности человека, продолжающейся и поныне, вопреки мужественным действиям одиночек – Подвижников Духа. А разве не свидетельством тому является загрязнение Мирового океана человеком, тем самым лишаящим самого себя в ближайшем будущем последних необходимых ресурсов питания.

Сейчас он доламывает / вопреки всем духовным устремлениям благородных экологов разных профилей / то, что не смог истребить, убить, превратить в прах - уникальные и неповторимые виды животных, последние леса, без которых ему не выжить вне специальных скафандров и нашу атмосферу, вызвав в ней вихрь изменений, преобразующий оптимальный климат. Ныне даже в Средиземном море уже почти нет дельфинов, опозитизированных в мифах и легендах древними, волки, медведи, львы, носороги, бизоны, да что там говорить - все твари, которых когда – то спасал Ной от всеобщего уничтожения водной стихией, остались на нашей планете в единичных экземплярах и переселяются в зоопарки или в особого типа резервации – так называемые Национальные парки, где люди – Подвижники Духа пытаются их спасти от тотального истребления.

Кентавр же, сминая все неживое и неживое на своем безумном пути, уже не может остановиться. И вот роковое возмездие - для него **физиологической потребностью становится уничтожение себе подобных**. Уничтожение ради уничтожения – таков мистический девиз рода человеческого с первых же его шагов на Земле. К несчастью для всего живого, не только девиз, но и скрытая под скорлупой идеологии, психологии, всевозможных прекраснотушных иллюзий и иных собственно «человеческих качеств» реальная и неодолимая потребность. Ее, а не половую потребность, должен был бы поставить во главу угла теоретических раздумий Зигмунд Фрейд!

С первых шагов загадочного существа, именуемого человеком по Земле, началась укрепляться, модифицироваться эта потребность, чтобы в итоге сделать его опасным в планетарном масштабе. Природное начало в нем получило дьявольскую чрезвычайную прибавку – физиологию подлинного зверя, запечатленного навеки цифрой 666. Раскроив дубиной своему сородичу череп, наш отдаленнейший предок умудрился полакомиться им. Войдя же во вкус, он стал кроить черепа другим направо и налево, оправдывая черные, неведомые миру нормальной живой природы действия задачами защиты и самозащиты Поток человеческой крови с тех времен превратился в океан, жертвы

убийства стали исчисляться не десятками и не тысячами, но миллионами. Человеческой дьяволиаде и этого мало – вот и создаются средства уничтожения, способные сразу же отправить на тот свет миллиарды человеческих особей, подобные той пятисотметровой океанской волне, которую гуманист Андрей Сахаров предлагал при помощи супербомбы обрушить на побережье Калифорнии. Их подкрепляют и скрытые убийства, осуществляемые тем же человеком во имя призрачной выгоды немногих, денежной «элиты» / да простит мне читатель в данном случае некорректное использование термина! /. Только табачная индустрия «никотиновых баронов» преблагополучно отправляет на тот свет ежегодно свыше четырех миллионов человек! А что уж говорить о систематическом спаивании сотен миллионов, о неисчислимой армии молодых людей, попадающих повседневно, неуклонно и неодолимо в лапы наркотической зависимости. Здесь, как говорится, мы впереди планеты всей при явном попустительстве наших властителей, этих калифов на час.

Природное, доброе начало в человеке порою заставляет его ужасаться всем содеянным. Но ставшая реальностью физиологическая аномалия скрыта ныне под таким покровом Изиды, под такими вековыми наслоениями эстетических иллюзий и ложных идеологических и нравственных представлений, что вернуть процесс вспять уже никогда и никому не удастся, если не произойдет / с мой точки зрения – вполне реальное и прогнозируемое / чудо одухотворения зверя в нынешнем цивилизованном обличье.

Впрочем, мудрейшие из рода человеческого, которых я считаю посланниками божественной истины, вместе с «Кандидом» Вольтера всерьез сомневаются в возможности подобно озарения Зверя – драматичнейших из ошибок природы.

Тварь, которая вкусила власть над другими во имя власти, но не во имя выживания вида или рода / вспомните о роли вожака волчьей стаи или предводителя прайда! /, познавшая, что других можно не только есть, но и пытаться физически и нравственно, стравливать друг с другом во имя «идеи», «национальной цели», не только провоцировать массовое взаимоистребление, но и всеобщую бойню концентрационных лагерей и вымирание целых этносов на пире во время чумы немногих счастливых, «развитых», «цивилизованных», не сможет стать иной по своей физиологической сути.

Если, конечно, объединенная мощь созданных человеком же науки, искусства, веры не вернет ему пластичность нормального живого организма, способного познать мудрость, красоту и божественное величие природы. Или же мы дойдем до той зловещей пропасти, когда сработает опять – таки животный инстинкт сохранения и самосохранения рода. «Люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость», - заметил Никколо Макиавелли. Соглашаясь с ним, мы не только тешим себя еще тлеющей надеждой, но и делаем все для того, чтобы из нынешнего человеческого, несовершенного материала возродились «доблестные мужи», способные предвидеть эту необходимость и выработать новую модель человека как органически пластичного, а потому бессмертного, равного Богу существа.

И, наконец, третьим универсальным физиологическим признаком живой природы является ее **цикличность**. Она характерна как для каждой особи, так и для вида, представленного ею. Физиологическая норма – прохождение через все стадии развития, от зарождения и адаптации новорожденного к окружающим условиям до расцвета всех жизненных сил в условиях борьбы за существование и неизбежное, лишенное драматизма угасание.

Ни одно живое существо в природе не отклоняется от цикличности как нормы, предопределяющей устойчивую системность в процессе выживания. Новорожденный здесь никогда не страдает характерным для человека инфантилизмом – раз появившись на свет, он неизменно следует стабильной, устойчивой программе взросления. Конечно, программы у разных родов и видов живых существ отнюдь не однопорядковы во временном масштабе, ибо разнообразны условия, в которые попадает малыш. Мне довелось наблюдать в предгорьях Памира, у знаменитой Змеиной горы, как появившиеся на свет маленькие змейки сразу же расползаются навстречу своей индивидуальной судьбе. Зрителю же подобного чуда не следует расслабляться в умилении – каждая из них столь же опасна, как и взрослая особь. Детеныш ламы, увидевший белый свет в

Андах, не столь быстро проходит первую стадию взросления, но все же уже на второй – третий день вполне уверенно следует и за матерью, и за стадом, осознав его законы

. Не могу забыть совершенно поразительные кадры из фильма о белых медведях, созданного американскими биологами, фанатически влюбленными в этого исчезающего зверя. Трогательные пушистые комочки следуют за матерью к кромке льда на арктическом берегу. Они только что увидели загадочную и пугающую красоту безбрежной снежной пустыни, но уже через некоторое время с явным страхом и я бы даже сказал – с недоумением наблюдают, как мать навсегда исчезает среди разводий, предоставляя им самим постигать всю сложнейшую науку выживания. И они ее постигнут, выживут / если, конечно, самый страшный и кровожадный из всех зверей – человек не уничтожит их ранее во имя своих безумных с точки нормальных обитателей нашей планеты целей, скажем, для пополнения коллекции шкур или для хвастовства своей смелостью безнаказанного убийцы /. Начальный период адаптации к природным условиям у животных может затянуться на более продолжительный срок, что характерно, например, для пернатых, но он всегда соответствует нормам циклического развития.

Человеческое дитя, всегда очаровательное в силу своей естественной близости к животным, и в этом смысле являющееся безусловным Венцом творения, вроде бы вписывается в систему цикличности. Но именно – «вроде бы», ибо период взросления у него непомерно растянут и подразделяется на целый ряд неведомых нормальной живой природе этапов: от многих месяцев полной беспомощности и незащитности до долгих лет усвоения опыта предшествующих поколений и науки выживания среди животных более ужасных, чем все миллионы видов, нашедших свою нишу на планете Земля.

При этом мера «растяжения во времени» отнюдь не одинакова для человека разных эпох, цивилизаций, этнических и социальных структур, что так же деформирует систему цикличности. Малыш, появившийся на свет в семье рабов / не важно, в Древнем Вавилоне либо в Древнем Египте, на плантациях рабовладельцев Юга в Америке 18 века либо в семье русских крепостных крестьян / вынужден взрослеть куда быстрее, чем в нынешнем Брунее либо в Англии. Ребенок бродячих цыган, живущих в порах чуждых им культур, мало чем схож по системности раннего развития с ребенком европейца, который печется о новорожденных едва ли не до появления у них бород либо пышных форм человеческих самок, готовых к деторождению. Если временные рамки взросления европейца экстраполировать на жизнь обычных, нормальных живых существ нашей планеты, то обнаружится вопиющая нелепица, ибо почти половина временного отрезка этой жизни у животных должна была бы быть отведена...подготовке к жизни. Скажем, детеныш той же ламы вставал бы на твердые, упругие ножки в течение шести – восьми лет. Отклонение от норм цикличности в период взросления столь велико, что не поддается какому бы то ни было рациональному истолкованию на основе постижения естественных, природных закономерностей. А что же такое отклонение от природных норм, как не появление какой – то иной физиологии, как не ошибка природы? Хаотичность – ее имя.

Загадочно съезживается время полноценной и плодотворной жизнедеятельности у человека с другой стороны бытия, в период неизбежного старения. Для нормальных живых существ, следующих неотвратимому циклу физиологического развития, старение – мгновение в шкале этого цикла. Порою они не знают даже этого мгновения, ибо призваны уйти, отдать жизнь новым поколениям в полном расцвете сил. Старость всегда старость, и ее общеприродные особенности проявляются, конечно и у человека как животного. Но растянутая во времени старость, лишенная какого бы то ни было смысла, кроме продления существования, всегда отвратительна. Не случайно великий пророк и художник – Лев Толстой, ощутив ее приближение, в сердцах воскликнул в дневниковой записи: «Вонючая старость!».

Хаотичность как закономерность предопределяет физиологические параметры бытия человека, что дает мне основание полагать, что его возникновение и развитие – природная аномалия или, проще говоря, ошибка природы, отступление от универсального принципа системности. **Следовательно, если в чем-то искать**

действительное его значение как Внца творения, то, конечно же, не в морфологии и не в физиологии. Продолжим же этот поиск без человеческих предубеждений против нашей животной природы, согласившись, что природное начало во всех конкретных и бесчисленных проявлениях системно, а потому – совершенно и признав, что человек в силу каких – то внеприродных причин все более и более теряет это совершенство.

НОСОРОГИ ИЛИ РЫЦАРИ

Остается задуматься о третьей ипостаси нашей природной основы – **поведенческой**. Все живое / еще раз повторю – таинственный мир растений, как мне думается, исключается из его сферы лишь по недостаточности объективных научных данных / действует во имя выживания и продления рода, а стало быть необходимо сталкивается с противодействием. Градации последнего - неописуемы логически, ибо практически - безграничны и не могут быть подведены под единое универсальное определение.

Здесь и непримиримый антагонизм, где ставкой является жизнь / в том случае, если один вид служит источником питания другого /, антагонизм, наиболее доступный поверхностному уму и успокаивающий, оправдывающий наше озверение. Да, он – реальность бытия природы, но отнюдь не источник драматизма, ибо для такого антагонизма есть Высшим разумом определенные пределы. Если бы все хищные и не хищные плотоядные переняли вдруг по велению какой-либо темной силы поведение человека, то результатом явилось бы только мгновенное исчезновение всего живого, всего, что сама природа создает для пропитания своих творений. Кстати, только человеческое воображение породило во множестве примитивнейших фильмов ужасов либо в потоке бездарной / говорю это безотносительно к авторитету их авторов / «черной» фантастики озверевших птиц, вышедших из морских пучин чудовищ либо затаившихся в подземных городских коммуникациях гигантских плотоядных змей.

Здесь и симбиоз, поразительный и поучительный, но всегда, благодаря неординарности, способствующий продлению жизни на Земле. Вдумайтесь в тот факт, что лишайники, прижившиеся на безжизненных скалах либо на останках деревьев, изумляющие нас гармоничным сосуществованием растений – оснований и зеленых растений, способных добывать пищу из энергии Солнца благодаря хлорофиллу, пигменту, трансформирующему свет в химическую энергию органических существ, живут до двух тысяч лет!

В этом же ряду - приспособление существ одного вида к параллельному, независимому существованию в едином пространственно – временном континууме, выражающем непрерывность и неразрывность как явлений, так и процессов. Их поведение можно охарактеризовать / в отличие от поведения агрессивного и поведения сотрудничества / как безразличное или нейтральное на первый, непрофессиональный взгляд. Биологи же, чей пылкий ум и добрые сердца помогают всему человечеству наилучшему самопознанию вне роялистских предубеждений о нашей «божественной исключительности», придерживаются иных взглядов. И факты упрямо подтверждают их доброту, базирующуюся на знании.

Мало кто задумывается над тем, что в противовес человеческим изуверствам по отношению к живой природе она продолжает довольно успешно игнорировать действия, самые масштабные, скоординированные, на основе новейших достижений науки истребления и основанных на них технических средствах уничтожения жизни. И создается впечатление, что природа почти презирает человека и его «имперские амбиции» завоевателя и покорителя Вселенной Мы вспоминаем в этой связи мудрость народов Древней Индии, сохраненную и поныне в обычаях и нравах их наследников, не позволяющих себе посягать на любую жизнь и живность как святая святых. Вдумайтесь – живность отнюдь не уничтожила там человеческий род, но прекрасно и разумно приспособилась к нему.

Можно, конечно, в духе культурной революции, постараться уничтожить всех городских воробьев и голубей, кошек и собак, крыс и мух. Но гений китайского народа, опирающийся на опыт одной из самых древнейших цивилизаций на Земле, существовавшей еще до того, как Всевышний сотворил первого человека / Адам – Кадмон по иудейской традиции, ибо Ветхий завет – не что иное, как мудрейшая и достоверная история еврейского народа /, преодолел эту политическую дурь и вернул миру китайский гуманизм – по отношению ко всем проявлениям жизни. Наряду с морфологией и физиологией **поведение** – универсально для всех проявлений жизни.

Входит оно в своей первозданности и в мир человеческого бытия. Вот почему этология как наука о поведении живых систем дает нам выверенные опытом вековых наблюдений и теоретическими раздумьями ученых принципы поведения особей и коллективов всех этих систем, включая и человека как животное. Когда мы с надменной улыбкой наблюдаем за поведением братьев наших меньших, полагая, что они похожи на нас, мы допускаем примитивнейшую логическую аберрацию, ибо не они на нас, но мы похожи на них. **Любовь, семья, социальная иерархия, сообщество – живое наследие природы, но отнюдь не человеческое изобретение.** Далее я постараюсь показать, что в этих основополагающих аспектах бытия нам впору опять – таки превратиться, следуя завету Лукреция Кара, в добросовестных учеников природы.

Но есть в нашем, человеческом поведении и нечто абсолютно новое, несоотносимое с другими проявлениями жизни. Весь вопрос не в признании человеческой «чрезвычайной прибавки», но в ее соотношении с мерой совершенства живой системы. Ее следует проанализировать в историческом контексте развития человека, которого нередко тайные силы заставляли выбирать путь массового йехуизма. Нет, не только заставляли, но и заставили, иначе мир не узнал бы деяний Гитлера и его озверевшего при нем подавляющего большинства немецкого народа. Здесь я позволю себе дополнить объективные выводы этологов некоторыми раздумьями общетеоретического характера, порожденными сравнением поведения животных и человека в диапазоне поведенческих реакций живых систем. О социальных системах у нас – речь впереди, когда мы попытаемся вычленить сферу бытия, где человек имеет право претендовать на значение Венца творения. И трезво оценить, можно ли поведение человека толпы, массы, вообще – Homo vulgaris соответствовать этим претензиям.

Как на основе личных многолетних наблюдений /прямых, личных и косвенных, получаемых ныне в изобилии благодаря средствам массовой информации /, так и в итоге ознакомления с интереснейшей и крайне многообразной литературой по этологии могу утверждать, что поведение животных в рамках системы всегда характеризуется **предсказуемостью**. Какова ситуация и ее возможные последствия для животного – таковы и признаки его поведения. Так, боевая игра самцов в обычной, повседневной ситуации может быть и упражнением способностей, и развлечением, и научением. Но вот приходит время спаривания, отбора наилучшего производителя рода – и безобидная игра превращается в рыцарское ристалище. Обаятельные могучие горные бараны бьются на пределе сил, сталкиваясь лбами с такой мощью, что приходится только диву даваться, как им удается оставаться после каждого удара живыми. Однако, как бы ни был жесток поединок, никогда партнеры не стараются забить друг друга насмерть. Финал, как правило, драматичен для индивида – он уступает без дальнейших препирательств место сильнейшему, но гуманен для рода – ибо все остаются живыми, с шансами на будущее.

Вы можете безошибочно перенести модель такого поведения на аналогичные ситуации и определяемые ими действия любых животных – и не ошибетесь. Не менее рыцарскими, лишенными коварства, притворства, лицемерия и лжи остаются брачные турниры оленей, медведей, львов и пантер, обезьян и носорогов, словом, представителей живой природы.

Столь же отчетливо предсказуемо поведение любого животного в иных, не ритуально-игровых ситуациях, будь то предчувствие опасности или ласки, стремление отдохнуть или создать максимально комфортные условия для ожидаемого и выращиваемого потомства, адаптироваться к смене времен года или мигрировать в дальние страны, следуя зову предков. Кстати, именно благодаря предсказуемости поведения живых существ и ненасытности человеческой природы истребляется зачастую все живое идвигающееся по своим законам. Медведь, забивший пару лососей в верховьях Амура – истинный гуманист по сравнению с тысячами и тысячами подлинных современных дикарей - местных жителей, которые / прежде всего во имя наживы / – бьют лососевых рыб во время нереста без счета, цинично насмехаясь над усилиями бессильного «рыбнадзора». Я был свидетелем этого систематически, из года в год повторяющегося зрелища, где наиболее страшным и отвратительным действующим лицом является озверевший от жажды наживы человек, Homo vulgaris. Любой хищник в

джунглях - истинный рыцарь по сравнению с теми браконьерами людской породы, которые выжигают сотни тысяч гектаров бесценных лесов. Он знает поведение своей, избранной для пропитания жертвы, но не уничтожает подобно Молоху все убегающее на своем пути без разбора. Человек же это делает, и именуется истребление всего живого на своем роковом для природы пути – «охотой». И это его поведение – вполне предсказуемо, что определяет спокойствие в «небоскребе жизни».

Думаю, что появление человека в нем вызывает не только всеобщую панику, но и необратимые природные катаклизмы. Ведь **его поведение абсолютно непредсказуемо**. Вдумайтесь – может ли зебра, ласкающаяся к подруге в саванне, неожиданно пропороть ей копытами живот? Никогда, ибо любое ее поведение подчиняется законам системы. Человек же стал человеком именно потому, что презрел эти законы / кроме, быть может, легендарного Маугли /. Он некогда обнял своего более сильного и удачливого соплеменника - и тут же вонзил ему под ребро нож каменный нож. А начатое – продолжает тысячелетия, истребляя себе подобных и именуя безмерные кровавые деяния «тактикой», «стратегией», «политической целесообразностью». Ханжество, коварство, лицемерие, самодурство, деспотизм – есть тысячи и тысячи определений, дающих то или иное наименование непредсказуемым деяниям человека, возведенным в жизненный принцип рода. Положение становится поистине чудовищным вследствие того, что человек в отличие от других живых тварей поливариантен в поведенческих реакциях. Проще говоря, он может в одно и то же мгновение что-то думать, совсем другое по содержанию – говорить, переживать – в каком то ином, третьем плане, а делать вообще несообразное ни с мыслями, ни с чувствами, ни со словами. Вспомни, дорогой мой читатель, всегда ли улыбка твоего собеседника означала симпатию к тебе и всегда ли добрые слова коллег по профессии в твой адрес сопровождалась столь же добрыми, сердечными деяниями? А сколько к старости твоих восхвалителей / по необходимости для них / превратилось в хулителей? Следовательно, он осознает непредсказуемость поведения себе подобных и строит хитроумнейшие и коварные планы поведения в соответствии с реальностью. Тщетно взывают все мудрецы мира, все тонкие художники – гуманисты, все великие вероучители к его разуму, чувствам, совести. Он остается самым опасным из всех живых существ в доступном нашему наблюдению мире благодаря непредсказуемости поведения. Вот почему бетонные джунгли, созданные как среда обитания человека, куда более опасны для него, чем ночной лес или бушующий океан. А число жертв в них несопоставимо с тем, что является естественной убылью для мира животных.

Один тонкий драматург, желая предупредить возможность метаморфозы человека в зверя, показал нам превращение обычных обывателей в носорогов. Думаю, что он несправедливо обидел одно из самых очаровательных созданий, пустив в обиход термин «носороживание». Уж если кто по поведению «носорог в фарфоровой лавке», так это именно человек. Любопытно, что индивидуальность человека лишь усиливает его выламывание из рациональной системы и притом в такой степени, которая недоступна самому изощренному воображению художников, наблюдающих человеческую комедию. Вот почему любая встреча человека с человеком таит в себе опасность куда более серьезную, чем та, которая подстерегает живность на лоне природы. Ибо эта опасность непредсказуема даже с точки человеческого здравого смысла, не учитывается и не может учитываться ни предшествующим индивидуальным опытом, ни опытом коллективным, ни коллективной памятью или культурой.

Непредсказуемость поведения человека, которая будет далее предметом нашего особого интереса **в связи с анализом его действительной, социальной природы, с представлением о нем как совокупности общественных отношений**, оборачивается для него самого безысходным драматизмом. Кстати говоря, являющимся еще одним из источником зарождения легенд о Золотом веке в прошлом и о Райской жизни в будущем. Драматизм этот осознается каждым человеком по мере взросления и старения и приводит в большинстве случаев к оправданному желанию индивида покинуть этот свет, где нет ни добра, ни радости человеческого общения, ни истинной и разделенной любви. Правда, в тайной, но тщетной надежде обрести это в ином, потустороннем мире, которого

нет и быть не может нигде, кроме воображения человека.

Этологический подход к сопоставлению нормальных живых существ с существом аномальным и загадочным – с человеком возможен и плодотворен также с позиций **всеобщей целесообразности природы**. Чтобы не утомлять читателя многословными изысками о понятии цели и о сущности целесообразности, которые вряд ли дадут что-либо новое в интерпретацию этой древнейшего философской проблемы, приведу разделяемое мною определение из постоянно обновляющегося новыми исследованиями и выводами немецкого «Философского словаря», основанного Генрихом Шмидтом. Определив целесообразность как устройство или поступок, которому присуща некоторая цель, авторы отмечают, что целесообразным является определенный вид связи, взаимодействия, взаимозависимости функций / а ведь это и есть поведение в рассматриваемом нами аспекте /, который служит сохранению организма. А далее вполне справедливо пишут: «Вплоть до конца XIX века такое понятие целесообразности считали, исходя из казуально - механической картины мира, пригодным лишь для описания фактов, встречающихся в биологии. Но с тех пор стало ясно, что объективная целесообразность является *contradictio in adjectio* и что даже неживой предмет, для того чтобы быть целесообразным, нуждается в некоторой инстанции, дающей цель, которой этот предмет должен служить. При любых условиях целесообразное событие является конечным». Разумеется, что целесообразность как стремление к совершенству, которое вряд ли может быть объяснено простыми законами наследственности, существует и в сфере морфологии / стремление к совершенной форме /, и в сфере физиологии / стремление к оптимальной организации функционирования природной системы /. Но наиболее масштабно ее проявление, которое Ницше считает делом случая, мы можем констатировать с позиций человека именно в поведении живых систем.

Трудность заключается в том, как определить цель совершенного поведения. Ее можно вывести из понятия, обобщенно и афористично характеризующее живое существо. Так, поведение ежа в подобном случае вытекает из понятия, обобщенно характеризующего все существенные признаки представителей этого прелюбопытного семейства и выраженного на любом языке термином «еж». Но возможен и другой ход – логического анализа тех поведенческих признаков, которые характерны только для семейства ежовых, обязательны для них и выражают необходимые условия их бытия / если хотите – выживания /. В таком случае термин совпадает с понятием, а не предшествует ему.

Не вдаваясь в дальнейшее сопоставление возможных путей логической интерпретации интересующего нас события / поведения /, мы можем лишь констатировать, что и понятие, и конкретный термин, выражающий его в любом языке, сжато, с предельной информационной насыщенностью и точностью выявляет всю систему поведения той или иной природной системы / отдельного живого существа, сообщества живых существ определенного вида, взаимоотношения их с другими существами и сообществами, именуемые миром живой природы /. Сказав «волк», мы сразу определяем целый микрокосм, который запечатлевает себя и в поведении. Дальше – дело лишь за развертыванием понятия в систему умозаключений и суждений, выводов и гипотез.

Но остановимся на подобном философствовании, ибо дело обстоит не так просто. Почему, например, брезгливо наблюдая поведение алкоголика, потерявшего от опьянения нормальный человеческий облик, мы вдруг говорим: «Напился, как свинья!». Прежде всего, свинья как и любое животное, не напивается, не знает поведения, вызываемого целенаправленным, но нецелесообразным разрушением организма. Умное, смысленное, хитрое и доброе животное, свинья всем своим поведением демонстрирует нам принцип целесообразности в действии. В полном соответствии с поведением всех других миллионов разновидностей жизни на нашей планете, из которых не один не совершает ничего алогичного, противоречащего predeterminedной ему Свыше или Природой жизненной цели. Как не фантазируй, не танцуют слоны! Кроме тех трагических случаев, когда Венец творения – человек пытается извратить их совершенную красоту и стройную логику естественного, целесообразного поведения. «По улицам слона водили,

как будто напоказ»... Мы все это знаем, приветствуем, восхищаясь ловкостью и мастерством дрессировщиков, тысячелетиями уродующих естество животных, их нормальное, целесообразное поведение, наблюдение за которым в естественной среде обитания доставляет восторг, душевный трепет куда более сильный, чем противоестественные выкрутасы наших братьев меньших на рыночной площади или в цирке. Алогичность человеческого поведения, не знающего никакой меры в насилии над другими живыми существами, в том числе – и над людьми, лишает нас возможности сопереживания, способности взглянуть в страдальческие глаза медведя, отплясывающего под удары бубна на рынке либо дельфина, принужденного выделять невообразимые кульбиты ради кусочка протухшей рыбы. Здесь возможен только один поучительный ход – водворить за решетку самого человека / что и проделал Пьер Буль в своем провидческом произведении «Планета обезьян» / для созерцания его поведения - животными.

В какой-то мере еще можно оправдать содержание животных в зоопарках, многие из которых являются не только коммерческими зрелищными учреждениями / что позволяет им держаться на плаву /, но и научными биологическими центрами, спасающими уничтожаемых хищником – человеком редкие виды, утрата которых может оказаться невосполнимой потерей. Но уж совершенным вандализмом является охватившая богатеев модная дурь – содержать у себя редких, экзотических животных, что побуждает нищую часть человеческого рода вылавливать их без счета и разумной меры. Сомневаетесь в моих словах? Так пойдите хотя бы раз на знаменитый московский Птичий рынок и посмотрите в глаза безмерно страдающих братьев наших меньших со всех континентов. Вандализм этот тем более страшен и алогичен с точки зрения идеальных взаимоотношений человека и других природных существ, что последним после пребывания в руках снобов путь назад, в естественное состояние заказан. И причина тому – нарушение целесообразной системы поведения животного. Она будет необратимо нарушена даже в том, вроде бы невинном случае, когда диких животных, например акул или медведей, мант или рысей человек будет подкармливать из рук, обрекая тем самым на перерождение и вымирание.

Систему поведения живых существ не следует понимать как что - то примитивное, определяемое только реакцией на внешнее воздействие и складывающуюся ситуацию. Зоопсихологи, посвятившие весь талант, более того – жизнь изучению целесообразности поведения животных, давно подтвердили сложность внутреннего душевного мира животных, их способность переживать, страдать, радоваться, любить. Но способность эта не выводит животное за рамки целесообразного поведения, но лишь расширяет его диапазон.

Не следует думать, что подобная особенность характерна только для так называемых высших животных. В доказательство приведу не ссылки на ценнейшие прочитанные мною фолианты ученых мужей – биологов, этологов, психологов, но прелюбопытное личное наблюдение.

Однажды жена и я прогуливались по берендееву царству Подмосковья близ дачи. Неожиданно где-то в кустарнике услышали тревожный и призывный писк. Еще минута – перед нами, широко расставив влажные от росы крылья начал подпрыгивать какой-то неловкий, желторотый птенец, очевидно, преждевременно покинувший родительское гнездо. Конечно, сразу началась типичная для горожан дискуссия – что за птица перед нами и что с ней делать. В самом деле, не в клетке же выкармливать. Вдруг прямо над головами пронеслась какая-то массивная птица с непривычно ярким для нас оперением. Затем, словно осознав и наше положение, и тревогу непрерывно вопившего птенца она начала перепрыгивать с пня на пень, уводя нас куда-то от тропинки. Наконец жена, обладающая поразительной зоркостью неизменно удачливого грибника, обнаружила дупло в старой сосне, куда и был не без труда водворен неудачный беглец. Все происшедшее через день-другой стерлось из памяти. А дальше началось нечто вполне невообразимое: каждый раз в течение двух лет, как только мы появлялись на затемненной тропинке, неожиданно перед нами возникала знакомая нам птица, всегда провожавшая нас до выхода из леса и завершала прощание с нами каким-то почти

ритуальным облетом наших голов. Я всегда думал в те радостные минуты – почему же десятки и сотни людей, в том числе и ученики, которым мною сделано куда большее добро, чем следовало, вплоть до систематического щедрого без меры, по русской традиции приглашения к семейному застолью годами, авторы, которых я рискнул опубликовать вопреки прямым запретам научного и партийного начальства, умудрялись сразу же исчезать из поля моего зрения, словно опасаясь каких-то обязанностей или постоянной благодарности. И невольно вспоминал беспредельно тоскливые глаза брошенных близкими старых, одиноких людей, которых к жизни привязывает только бескорыстная любовь их питомцев, собак или кошек, волнистых попугайчиков или приبلудных голубей, всегда прилетающих к излюбленным скамейкам. Любовь без кавычек, ибо она ведома во всей полноте только нормальным живым существам, подчиненным поведенческому принципу целесообразности.

Невольно, без теоретически обоснованного сравнения, без строгой последовательности доказательств я подошел к главной характеристике поведения человека – его **алогичности**, его весьма хитроумному, многоплановому по мотивации, а потому алогично - целесообразному поведению. Понимаю недоумение читателя – а может ли быть целесообразное, но алогичное поведение? Вникнем в суть подобного парадокса реальности. Полагаю, что если избрать за точку отсчета разумность природы, живой и неживой, ее совершенство в поведении, то все действия человека как одного из живых существ, населяющих планету, покажутся не только алогичными, но и абсурдными. Зашагав по планете, он сразу же начал выламываться из ее законов, подойдя сегодня к той грани, за которой следует не только уничтожение всего живого и неживого, но и самого человека как подвластного естественным закономерностям существа.

Поначалу, в течение сравнительного долгого и неопределенного периода он в борьбе за существование стремился найти природную нишу, меняя в процессе естественного отбора и приспособления свою особую природу, свой тип поведения. Здесь он не нарушал принципа системности, ибо любое живое существо действует подобным же образом. Скажем, гигантские усатые киты – финвалы приспособились непосредственно потреблять планктон, процеживая его через «усы» в огромных, необходимых им количествах / до четырех тонн в сутки!/. И если они перед рассветом периодически уходят на глубину, а затем по мере наступления сумерек плавают ближе к поверхности океана, то лишь потому, что планктонный суп, это животворное начало вселенной, первоисточник живой цепочки на планете, мигрирует так, а не иначе. Поведение же дельфинов как хищников, вторгающихся в косяки более совершенных по организации существ – рыб, предопределено иной целью, а именно - точного распознавания характера избранной жертвы и определения ее местонахождения при помощи звуковой локации. Подводные ракеты, носящиеся в океане на глубине до 200 метров с фантастической скоростью до 100 километров в час, они приспособились к коллективной охоте, а затем выработали поражающее наше воображение социальную организацию для взаимопомощи. Но и здесь, как и в случае с китами, торжествует принцип функциональности или закон системы, выработанный в процессе борьбы за существование.

Человек пошел в этом же направлении, развил свою первоначальную и вполне рациональную социальную организацию на основе «чрезвычайной прибавки» - трудовой деятельности при помощи орудий и средств труда и самого поразительного открытия природы – интеллекта. Мысль и труд, труд и мысль – вот что давало основания для всех оптимистических и гуманистических гипотез ученых, художников, вероучителей о человеке как Венце творения. Но по какому-то дьявольскому наущению в итоге все истинно человеческое – вышло из-под контроля человека, приобрело значение какой-то мистической, зловещей, в итоге – антиприродной силы. Человек стал существом иной природы, чем все нормальное, подчиняющееся закону системности в природе, и в этом смысле – **ошибкой природы**. Началось это отнюдь не тогда, когда он с удовольствием съел на завтрак своего поджаренного сородича. В конце - концов в среде животных подобные случаи – отнюдь не редкость. Истоки надо искать в первоначальной деформации функционального предназначения человеческого труда и ориентиров

нормального поведения благодаря тысячелетиями развивающейся раковой болезни мирового интеллекта.

Труд, помноженный на всесилие интеллекта, породивший в итоге все современные чудеса техники, все фантастические технологии, короче – все то, что мы называем ныне достижениями информационной цивилизации и что бездумно, без учета глобальных последствий потребляем, отнюдь не увел нас из эпохи рабства, крепостной и капиталистической зависимости человека от человека. Напротив, **он вверг нас в эпоху куда более страшной несвободы, чем все то, что испытали на себе миллиарды исчезнувших в небытии обездоленных, несчастных, страдавших без меры людей, те самые миллиарды, которые «мыслители», отвоевавшие себе преуютное место под солнцем, напрочь игнорируют.**

Проблема заключается лишь в том, что косная масса, современный «массовый человек» / назовем его так пока более мягко и деликатно / живет в иных, чем ранее, условиях преуспевания некоторых стран, сполна получивших и все завоевания информационной цивилизации и все итоги беспощадного многовекового ограбления большинства других стран. Человек массы или средний человек одет и обут не по закону свободы, то - есть целесообразности, но по велениям последней, коммерцией диктуемой моды, при всем ее кажущемся разнообразии до предела унылой и нелепой, нефункциональной. Он не заботится о пище насущной, потребляя без меры нечто непотребное с точки зрения здоровья будущих поколений, и опять – таки не по свободному выбору, а по велению информационного шока, именуемого рекламой. Он не представляет себе всех трагических последствий исключения из производительного труда, утешаясь байкой о том, что тот ныне – удел немногих, презираемых всеми маклерами, клерками, дилерами, менеджерами, чиновниками, охранниками и официантами, всеми представителями современного трактирного и коробейного, а уж тем более - «шоу» бизнеса, всей той сферы, в которую вовлечены сотни миллионов полагающих себя свободными людей. О смысле бытия подобного типа человека прозорливо говорили еще древние: «Iners negotium» / бездеятельная занятость /. Но у него нет главного для всего нормального в нашей живой вселенной – свободы выбора, а посему он просто раб в новом обличье, пребывающий в иллюзорном бытии.

Даже в том жизненном секторе, где еще в ближайшем прошлом люди были свободны и могли соревноваться с другими животными - в досуговой деятельности ныне миллионы, если не миллиарды с поразительной тупостью одновременно визжат на гигантских трибунах или около телевизоров, в конвульсивных прыжках, неведомых нормальной, то - есть его человеческой, изначальной природе дрыгают всеми конечностями среди тысяч, а порою и сотен тысяч человеческих особей. Им и невдомек, что свободы выбора, основанной на своеобразии функций развитого, и в этом смысле – духовного существа у них нет, что ими движет стадный инстинкт того же быдла, запрограммированный внешними, чуждыми человечности, а посему – дьявольскими силами.

Им непонятны, более того – ненавистны иные предпочтения самостоятельно мыслящих и тонко чувствующих людей, отвергающих действие подобных сил во всех областях человеческой реальности и предпочитающих истинные материальные и духовные ценности. Не имея ныне возможности прямой расправы с ними на костре инквизиции или в застенках гестапо, на самосуде обезумевшей толпы «фанов» / по современной терминологии / или в ограничении свободного выбора, они пытаются всеми иными, и прежде всего экономическими и психологическими способами загнать нормально развитых людей на чердаки небоскреба жизни. Вот здесь – то и впервые в подсознание закрадывается весьма крамольная мысль - а не происходит ли на наших глазах, в процессе закономерной эволюции вида **становление особой породы людей**, которую никак нельзя назвать Венцом творения, а скорее – природной аномалией, йеху двадцать первого столетия!

Мысль о несвободе как реальности бытия современного массового человека принадлежит отнюдь не мне, ибо она – предмет обсуждения в теоретической и художественной форме многих творцов человеческой духовности, того тончайшего слоя

инертной массы, которую только и можно считать венцом творения. Вспомним, например, великого провидца - Вольтера, которого и по сию пору смертельно ненавидят расплодившиеся без меры обскуранты, религиозные кликуши и гонители идей Просвещения и замалчивают – наши «просвещенцы». Его Кандид, увлеченный поучениями преподавателя «метафизико–теолого–космологонигологической теории» – Панглоса о том, что все к лучшему в этом из лучших миров и что воля человека поэтому свободна, попадает в руки вербовщиков болгарского короля. «... Ему надели кандалы и угнали в полк. Его заставили повертываться направо, налево, вынимать шомпол, вкладывать шомпол, прицеливаться, стрелять, маршировать и дали ему тридцать палочных ударов. На другой день он делал упражнения несколько лучше и получил только двадцать ударов. На следующий день ему дали только десять, и товарищи смотрели на него как на чудо.

Кандид, совершенно ошеломленный, никак не мог взять в толк, как это он стал героем. Он вздумал в один прекрасный день прогуляться и пошел куда глаза глядят, думая, что неотъемлемое право людей, так же как и животных, пользоваться ногами в свое удовольствие. Не сделал он еще и двух миль, как четыре других героя, по шести футов ростом, настигли его, связали и бросили в тюрьму. Его спросили судебным порядком, что он предпочитает: быть прогнанным сквозь строй тридцать шесть раз, или получить сразу двенадцать свинцовых пуль в лоб. Как он ни уверял, что его воля свободна и что он не хотел бы ни того, ни другого, - пришлось сделать выбор. Он решил, в силу божьего дара, который называется свободой, пройти тридцать шесть раз сквозь строй; вытерпел две прогулки. Полк состоял из двух тысяч солдат, что составило для него четыре тысячи ударов палками, которые от шеи до ног обнажили его мускулы и нервы. Когда хотели приступить к третьему прогону, Кандид, обессилев, попросил, чтобы уж лучше раздробили ему голову; он добился этого снисхождения. Ему завязали глаза, поставили на колени. В это время проезжал болгарский король; он справился о вине осужденного на смерть; так как этот король был великий гений, то он понял из всего, что узнал о Кандиде, что это молодой метафизик, весьма не сведущий в мирских делах, и даровал ему жизнь...»

Здесь невольно хотелось бы привести примеры невероятных страданий человеческих существ от сородичей, заставляющие любого мыслящего и сопереживающего человека всерьез усомниться в возможности той свободы для животного, именуемого человек, которая вытекает из универсального принципа системного, функционального поведения. Так и напрашивается в строку имя величайшего из поборников принципа свободы – Прометея, Девятая симфония Бетховена, «Записки из мертвого дома» Ф. Достоевского, «Судьба человека» Михаила Шолохова. Но я вынужден остановиться вопреки естественному желанию более эрудированно, или как теперь говорят – фундировано обосновать мысль о несвободе человеческого поведения в отличие от норм жизнедеятельности всех животных, которых и следует считать истинными рыцарями без страха и упрека на нашей планете. В том числе и обаятельнейших носорогов, рациональности, то – есть системности поведения которых во всех аспектах их жизнедеятельности, от полового общения до способов насыщения, от отношения к другим животным до неожиданной чистоплотности может только с грустью позавидовать любой представитель той массовой, обыденной неисчислимой толпы, которая сегодня не может быть признана чем – либо иным, кроме ошибки природы.

Кстати, в недрах совершенной по всем параметрам / по морфологии, физиологии, этологии / живой природы вызревает неведомое человеческому сознанию и воображению воинство рыцарей – мстителей, которые неизбежно установят то естественное, целесообразное, устойчивое равновесие в нашем мире, которое было когда-то во времена первых и наивных людей, во времена, справедливо названные их несчастными потомками райскими. Можно игнорировать такие глобальные акты возмездия этого рыцарства, как появление все новых и страшных вирусов по мере борьбы с ними, делающие бессильными только что запущенные в производство лекарственные препараты. Можно полагать случайностью, что неведомые науке жуки вдруг одновременно лишают лесов Никарагуа, в считанные дни уничтожая более

восьмидесяти тысяч стволов ценнейших хвойных пород, а в далекой России их переродившиеся собратья поставили под вопрос существование подмосковных еловых чащоб, воспетых поэтами. Можно смеяться над тем, как наши бетонные джунгли постепенно и с невероятным упорством заселяют животные – нелегальные иммигранты, с которыми не под силу бороться уже сейчас вооруженным до зубов толпам беспечных людей, не подозревающих о надвигающихся с упорством песков Сахары мстителях. Не исключено, что именно они когда-то стерли с лица земли «оносороженные» цивилизации. Сегодня эти иммигранты, по наблюдению экологов, заселяют Европу в катастрофических масштабах, перебираясь с других континентов в трюмах, цистернах, среди ракушек на днище кораблей, даже – в авиалайнерах.

Но теплится, теплится надежда на лучшее, и отнюдь не мистическая и не безудержным воображением рожденная. Она базируется на тот отрицаемый массовым сознанием «человека ошибочного», «Homo vulgaris» факт, что параллельно с его деградацией, завершающейся наиболее отчетливо и в гротесковых формах в эпоху информационной цивилизацией идет умножение и духовное укрепление «человека божественного», «Homo divinas», рыцаря среди всех рыцарей животного мира. И он – действительно Венец творения, который, как и Иисус, всеми мучительными духовными исканиями и телесными страданиями искупит греховность «Homo vulgaris», подведшего нашу маленькую вселенную на грань космической по масштабам катастрофы.

Моя вера в торжество подобной жизнетворящей, совершенной породы людей, пока еще до обидного малочисленной, а потому уникальной – незыблема. Но вера потому и вера, что ее не только можно обосновать логически, эмоционально и если хотите – догматически, но и вселить ее в сердца других людей, **и прежде всего – в чистые от вселенского зла, от дьяволиады невинные и прекрасные души детей.** Здесь уже сопоставление двух существующих ныне пород людей с морфологией, физиологией, этологией мира живой природы во всем ее многообразии не срабатывает. Ибо человек до его раздвоения и в нынешнем парадоксальном существовании раздвоенного общественного животного – в едином человеческом общежитии, в социуме по многим параметрам несопоставим с другой живностью. Так попытаемся же по этим **чисто человеческим параметрам**, по признакам человеческой, специфической природы, возникшим и устоявшимся за многие сотни тысяч лет сопоставить «Homo vulgaris», реального носителя всех признаков его дьявольского перерождения, с «Homo divinas», приход которого пророчески и бесстрашно предрекали первопроходцы духа во все времена и у всех народов. Не скрою – сопоставление, предпринимаемое мною, вполне тенденциозно, ибо преследует одну цель – выяснить, возможен ли хотя бы в отдаленной перспективе «Homo divinas» как Венец творения. Итак, под нашим мысленным микроскопом – Человек во всей противоречивости и загадочности его реальной современной двойственной, лукавой природы. Человек, завершающий путь роковой дифференциации, ибо дальше – неизбежное и всеобщее **небытие.** Человек, в страхе и надежде задумчиво застывший на развилке дорог, словно легендарный витязь. Убежден – у него еще есть свобода выбора, если не восторжествует дьяволиада бессмыслицы и той иллюзорной, суетной жизни, которая обезчеловечивает человека и выбрасывает его даже за рамки устоявшихся природных форм совершенства.

БЕСЧЕЛОВЕЧЬЕ В ЧЕЛОВЕКЕ / ПАРАДОКС ВТОРОЙ /

Всеобщей и унылой банальностью философских рассуждений и журналистских мудрствований ныне стала истертая как старая монета мысль о качественном своеобразии природы человека, о ее принципиальной несопоставимости с миром живой природы, окружающей его как невесть откуда взявшегося пришельца или случайностью порожденного мутанта. К сожалению, тиражируемая мощнейшими средствами массовой информации, подобная / на мой взгляд – вздорная / идея внедряется в обыденное сознание миллионов отступниками от великой науки, классического мирового искусства и фундаментальных вероучений. Можно сказать, что перед нами – очередная ересь. Но ведь по странному стечению обстоятельств ныне побеждают именно ересиархи: не ученые, опирающиеся на неоспоримые факты и постигающие сокровенные тайны бытия, его законы, и не художники, эмоциональным прозрением разрывающие завесу будущего, и не вероучители, символизирующие собой совесть человечества. Бескрайний взбаламученный океан человечества, устремившегося в неведомое будущее, отбрасывает их прочь, куда-то в затихшие глубины, ибо больше всего нынешний Человек страшится взглянуть на себя в объективное, правдивое зеркало, совсем как мачеха из традиционных сказаний о волшебном зеркальце, всегда говорящем правду. Помните – о том, кто действительно всех на свете милее, всех – краше...

Но остановить тех, кто имеет и силу прорицания, и судьбу подлинных первопроходцев, обладающих даром пророчества и постижения истины в любой доступной человеческому духу форме, невозможно. Дракон тусклого, тупого современного бытия, вполне устраивающего человеческое стадо благодаря материальным подачкам информационной цивилизации, многомиллионную толпу, живущую в иллюзорном благополучии тысячелетиями выстраивавшейся казармы бессилен их остановить любым серным пламенем, будь то снижение социального статуса либо откровенная нищета, зависть и одиночество, всегда подстерегающие провидцев, либо озлобленная дискредитация мещанского толка. Они, эта **соль земли**, дали нам выверенное представление о природе человека, помогающее ныне сопоставить его как с миром животных, с миром гармоничным, совершенным, целесообразным и целостным, так и с тем тусклым, унылым и жестоким миром омассовленного человека, который действительно не может быть оценен иначе, чем роковая ошибка природы. Но они – не только первопроходцы, но и сами - свет надежды на торжество человеческого начала в человеке. Свет, озаряющий путь в неведомое будущее.

Мои раздумья – отнюдь не претенциозные новации одиночки, но развитие той могучей струи духовности, которая неизбежно преобразует косный, инертный океан тусклого бытия «*Ното vulgaris*» / люто и оправдано ненавидимого всеми гуманистами / заповедями настоящей, достойной жизни. Истоки этой струи теряются в глубочайшей древности, где жили, страдали, творили мои единомышленники, прозрения которых я и стараюсь обобщить в меру своих скромных сил. Не менее важен и тот примечательный факт, что в эпоху информационной цивилизации, когда / по мнению нашего видного ученого проф. С. П. Расторгуева / схема передачи знания претерпела серьезные изменения, от схемы: человек – человек, к схеме человек – техническое средство – человек, когда возникло информационное оружие тотальной дебилизации и эмоционального обыдливания, проще говоря - всеобщей и результативной йехуизации окрепло духовное сопротивление новых рыцарей свободы человечества.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЖИВОТНОЕ ИЛИ ЖИВОТНОЕ В ОБЩЕСТВЕ

Первые, древнейшие сведения о человеке, добытые неутомимыми археологами, неопровержимо свидетельствуют о том, что он изначально был **общественным животным**. Конечно, и у других животных существовала и существует довольно сложная социальная организация с распределением функций / ролей / между отдельными особями, с целесообразным действием всего коллектива в экстремальных ситуациях, с оправданной заменой одного, старого коллектива – другим, более жизнеспособным. Вспомним в этой связи социальную организацию пчел, муравьев, дельфинов, волков. Возможно, что предок современного человека жил первоначально в рамках такой социальной организации животных.

Но с той минуты, когда прозвучало первое и великое **Слово**, когда параллельно начался осмысленный и производительный **Творческий труд** сообщество подобного типа переросло в общество, в тот катализатор всего дальнейшего процесса развития человечества, именуемого историей. Более того, именно в обществе, предопределяющем динамику истории, скрыта и мистическая тайна двойственной природы человека. **Снимая покров с этой тайны, обнаруживаешь, что перед становящимся человеком открывалось два возможных пути: использование потенциала прогрессивного развития, заключенного в саморегулирующемся обществе, обеспечивающем свободу всех, либо трансформация общества и появление такой доминанты в нем, как сложнейшая и хитроумнейшая структура власти человека над человеком, при которой понятие человеческой солидарности оказывается пустым звуком, а его заменяет государство как выражение реальной несвободы.**

Не трудно предположить, что традиционный вожак социального по характеру животного сообщества, занимавший это место вполне достойно как наиболее сильный, смелый, прозорливый и мобильный самец, в человеческом обществе стал благодаря незаурядному характеру и изначальному бесспорному таланту манипулирования толпой сородичей - **вождем** со всеми вытекающими отсюда на тысячелетия последствиями. Кстати, вожди XX столетия нашей эры, равно как и тайные всемогущие вожди XXI века в принципиальном отношении ничем не отличаются от тех, кто открыл им пути власти тысячелетия тому назад, используя все праведные и неправедные средства вплоть до коварства и насилия.

Тогда, в незапамятные времена, **управление стаей сменилось властью над ней**. Самец же, став властителем, вызвал к жизни необратимое движение социальной дифференциации, пришедшей на смену биологически оправданным социальным ролям в животном сообществе. В итоге мы сегодня даже не можем представить себе общество, основанное на самоуправлении, а не на власти одного человека над другими. Как бы он не именовался: царь, базилевс, тиран, император, вождь, президент, председатель, босс, пахан, для человека обыденного, для Homo vulgaris он – основа устойчивости, стабильности, возможности выживания рода, племени, народа, клана, сообщества единомышленников, неоспоримый символ их единения и спасения. В ужасе рыдая в часы социальных потрясений и смут, взывая к «порядку» в беспорядке, провоцируемому опять-таки властью предержащими, Homo vulgaris, склонившись в миллионный раз вопреки всему предыдущему историческому опыту, вновь просит рабства и цепей. Пособники же власти во всех ее причудливых и многообразных формах – теоретики, художники, хитроумные представители обласканных властью конфессий делают все возможное и невозможное для того, чтобы доказать одну и ту же банальную мысль / именно мысль, а не истину / - вне рабства и крепостничества, вне капиталистического экономического принуждения прогресс человека был бы вообще немыслим. Такова, дескать, неумолимая логика истории, а неисчислимые жертвы и бездна человеческого горя на пути такого прогресса – необходимые издержки.

Но почему же тогда миллионы людей изначально и на практике искали и ищут другой, альтернативный путь – общественное самоуправление, социальную ассоциацию равных среди равных? Почему их духовные выразители, которых было бы справедливо

назвать разведчиками человеческого пути становления человека, никогда не встанут на путь апологетики власти, но всегда выступают ее бесстрашными и непримиримыми врагами? Не будь подобной тысячелетиями существующей ситуации, не было бы ни народных движений, ни революционных катаклизмов, ни бесстрашного поведения теоретических рыцарей свободы, которые, не страшась любых кар, всегда и повсеместно отработывали иную, чем государство, модель управления обществом?

Возможность власти потенциально заключена в любой, даже минимальной социальной дифференциации, позволяющей властителям разделять людей, чтобы быть реальными хозяевами жизни. Помните классическое положение римлян: *Divide et impera* / разделяй и властвуй /? Разделение позволяет также любое манипулирование в ущерб свободе, в том числе и такое коварно – изощренное, которое отработано властью имущими в условиях информационной цивилизации, которая и будет предметом моего критического анализа.

Социальная дифференциация – отнюдь не результат естественного и природой человека как общественного животного предопределенного разделения творческого труда. Ведь такое разделение исследователи зафиксировали в самых простых и древнейших формах человеческого общежития. Не ведая зловещих последствий социальной дифференциации, предки наши, к примеру, привыкли к разделению труда мужчин на охоте и женщин у очага. Но пройдет еще немного времени – и по неодолимой логике истории или по какому-то дьявольскому плану начнется **первоначальная социальная дифференциация**, связанная с приобретением и накоплением собственности. Еще и еще раз напомним известную мысль французских просветителей, что собственность всегда кража. Соотнесите ее с тем, что у нас произошло в России на глазах изумленного *Ното vulgaris* в конце двадцатого века по христианскому счислению, и вы, безусловно, согласитесь со мною, если, конечно вы не были активным соучастником разграбления богатств некогда великой державы.

Рядом с вождем появился «профессиональный шаман», затем – церемониймейстер, порученец, ведающий приемом гостей из другого, дружественного племени. По мере увеличения численности племени и возрастания его потребностей в материальных богатствах, прежде всего – в земле и охотничьих угодьях выделяется группа наиболее ловких, отважных и авантюрных воинов, не ведающих разницы в убийстве животного или человека, прообраз регулярной армии. Но власть не была бы властью, если бы она не оправдывала необходимость и даже божественность изобретенных правовых норм, преступление которых подлежало суровой каре, а соблюдение объявлялось высшей гражданской доблестью. Раз возникшие и ставшими традиционными, нормы эти были бы пустым звуком без соответствующего аппарата с множеством карательных функций. И он немедленно появился в виде судей, блюстителей порядка, охранников – тюремщиков, палачей, профессиональных доносчиков.

Впрочем, инстинкты нормального живого существа, от природы не знающего и никогда не признающего неравенства, вступали в противоречие с велением власти, с тем, что всегда является произволом. Напомню то, о чем я неоднократно писал – нет и не может быть самого несчастного бедолаги, низвергнутого, как говорится, на дно жизни, который в душе не считал себя равным среди равных. Вот почему никогда не было абсолютного рабства, ибо из душ низведенных до уровня скота людей всегда исторгался неизменный протест, хотя бы в новых верованиях, в уповании на мессию – спасителя всех нищих и обездоленных. Или же – в свободомыслии народного искусства всех времен, где властитель и скрывшийся за его спиной богач – всегда предмет презрения и осмеяния. А истинный герой на века - Ходжа Насреддин либо площадной, базарный Петрушка. А то и в кровавой удали пугавших всех властителей восстаний. Призраки Спартака и гуситов, Пугачева и Робин Гуда, народовольцев и рыцарей Красной Пресни не дают душевного покоя и нынешней, внешне стабильной власти, порою, словно при землетрясении, проваливающейся в бездну небытия. Нужен был какой-то иной ход, связанный с внутренним оправданием любым человеком правил игры, предложенных властью. Новое и необычайно лукавое изобретение не заставило себя долго ждать –

появилась мораль, ее нормы, обычаи, традиции, направленные на сохранение существующего, той же власти человека над человеком выгодного порядка вещей. Мораль вместо нормального, подлинно человеческого поведения всех в самоуправляемом коллективе – что может быть более коварного и ханжеского. Все эти мысли нередко вызывают у моих друзей – любителей мудрости, сиречь – философов, социологов и т. д. почти панический ужас либо слабые завывания о «народной морали, об «этике угнетенных», о существовании всегда и везде двух типов морали. Рассуждая подобным образом, можно договориться до признания морали у слонов, дельфинов, акул, у любых природных, самоуправляемых по законам системы коллективов. А меня в порядке предупреждения отнести в разряд анархистов, сторонников Бакунина и Кропоткина. Что и делают опять – таки мои доброжелатели, кстати, никогда не читавшие ни того, ни другого в оригинале.

Полагаю, что нет нужды детально рассматривать процесс возникновения в человеческом общежитии, которое потенциально могло бы развиваться в нормальную, соответствующую природе человека социальную самоуправляемую организацию, всех вторичных и подобных раковой опухоли государственных структур и изощенного до предела идеологического подкрепления и обоснования законности незаконной власти. Незаконной – ибо она всегда была и остается способом узурпирования прав и ограничения свободы, граничащим с ее уничтожением. Все это уже сделали лучшие, светлые умы человечества, стремившиеся осознать тайные причины несвободы свободного по природе, от рождения человека, но повсюду оказавшегося в цепях. Осознать и соответственно - объяснить и появление того Левиафана, который в итоге придушил и деформировал нормального человека до крайней степени перерождения, которая стала ныне почти всеобщей социальной реальностью и вызывает ужас всех перспективно мыслящих и тонко чувствующих людей.

Вот о нем, переродившемся до предела в условиях утонченного и изощенного исторического камуфляжа и ставшего величайшим злом во Вселенной вопреки впечатляющим, а порою и ошеломляющим достижениям в самых разных сферах социального бытия и жизненного комфорта, то - есть о парадоксе торжества в человеке нечеловеческого начала в оптимальных условиях его материального развития и пойдет у меня разговор с тобою, мой вдумчивый читатель. Моя тайная надежда - на твое терпение, без которого не раскрыть животворящую силу любого парадокса.

Раздумья мои о современном человеке имеют под собой весьма солидную историческую опору – представление мыслителей, художников, вероучителей прошлого о всесторонне и гармонически развитом человеке, которого я и называю Homo divinas. Вопреки постепенно нараставшей дьяволиаде массового человека, они из века в век отрабатывали это представление и передали его нам, потомкам как своеобразный завет. Пусть он был и остается мечтой, утопией, проблеском света в тусклой повседневности реального бытия человека, но без него жизнь превратилась бы в сплошной кошмар и в бесперспективное существование человека, опустившего на ступень ниже животного.

Не буду пытаться создавать иллюзию многозначительности, подводя читателя к основным выводам через лабиринт исторических ассоциаций и логических хитросплетений. Начну с постулата, который отныне стал моим убеждением, хотя и весьма крамольным с точки зрения того внутреннего редактора или, если хотите, идеологического цензора, который по неизбежности сидит в каждом из нас, прошедших большую, а порою и трагическую школу идеологических выволочек и философской муштры. Суть этого постулата – сомнение в том, что единственно возможным путем развития первоначального человеческого сообщества / працивилизации – назовем его так / было его перерастание на путь становления и развития государства. Проклинаю или прославляю его как неизбежный этап на пути прогресса человека как общественного существа, мыслители, художники, вероучители и не предполагают, что **у наших предков был иной, свободный выбор**. В значительной мере этому способствует так называемая историческая наука, главным содержанием которой преимущественно остается хронография власти.

А ведь свободный выбор действительно был и предопределялся нормальной

природой человека как общественного существа или, как говорится, совокупности всех общественных отношений. Не было никакой исторической необходимости в заключении общественного договора, предполагавшего отчуждения части прав индивида в пользу социума или точнее, в пользу благодетельной и всеспасительной власти. Узурпация же власти сильнейшими и мудрейшими властями через насилие не могла породить ничего иного, кроме насилия, какими бы хитроумными доводами не прикрывались сильные мира сего. Даже дойдя до спасительного утверждения, что всякая власть – от Бога. Я же убежден, что власть человека над человеком, будь то самодурство тирана либо издевательство тупого начальника над принужденными к повиновению экономическими и внеэкономическими факторами робкими чиновниками либо служащими – от дьявола, сумевшего искутить нашего предка и сбить его с нормальной для всех живых, природных существ пути. **С пути самоуправления, становления и развития саморегулирующейся социальной системы, исключая государство как орган насилия, породивший ныне безмерное перерождение человека, превращение его в ошибку социальной природы.**

Сразу же возникают два коварных и отнюдь не праздных вопроса. Первый: были когда-нибудь в прошлом подобные реальные попытки человека стать подлинно социальным, то - есть свободным, а не манипулируемым живым, природным существом. Проще говоря, существом, не выламывающимся за коренные принципы нормальной жизни. Второй: верно ли, что отказ от этих попыток / безотносительно к причине такого отказа / в пользу государства в итоге привел к порождению массового человека, к необходимости вновь и вновь рассуждать о Homo divinas как о потенциальной и нереализованной возможности, в конечном итоге – как об удобной для темных сил уловке перенести все в плоскость обсуждения неких абстрактных и прекраснотушных идеалов, не затрагивающих чьи-либо корыстные интересы. **Даже самые зловещие тираны любят такие рассуждения и упражняются на бумаге в словоблудии о свободе человека и о гармонии в обществе.** Вспомним Цезаря, Фридриха Великого, Екатерину Вторую.

Начнем с первого, отнюдь не простого вопроса. Полагаю, что в исследованиях историков, этнографов, археологов есть достаточное количество фундаментальных ценнейших наблюдений и научных выводов, свидетельствующих о правоте моей постановки проблемы. Конечно, очень сложно реконструировать в деталях / особенно затрагивающих духовную сферу бытия / организацию общественной жизнедеятельности навсегда ушедших в небытие людей. Здесь в немалой степени нам могут помочь дошедшие до нас легенды и мифы, верования древних и их космогонические представления. Они, безусловно, заполняют тот пробел, который предопределен отсутствием письменных источников. Столь же большим подспорьем оказывается многовековая эпопея борьбы за свободу, всегда порождавшая / пусть – кратковременные / социальные модели человеческого самоуправления без властного насилия. Нет нужды еще и еще раз вспоминать в этой связи о том, что эти модели лежали в основе всех великих верований, что по сути дела их обобщением были утопические воззрения в любую эпоху, в свою очередь побуждавших думающих людей искать соответствующие таким воззрениям организационные социальные структуры, формы рационального самоуправления. Реализованными они оказывались лишь в образных построениях художников, обладавших таинственной силой воплощения идеалов – в зримые картины, да в подвижнической деятельности педагогов, пытавшихся преобразовать мир, изменяя детей.

Борьбы против государственных форм могло и не быть, если бы подобные модели не открывали угнетенным и обездоленным реального пути освобождения. Ведь все в прошлом так или иначе прорастает в будущее, генетически связано с ним и поэтому действительно нет ничего нового под Луной. Не новы и искания человечеством условий реального общественного самоуправления как единственной гарантии свободы.

Подтверждением фактического существования альтернативного развития общественного человека может служить хотя бы тот поразительный факт, что вопреки всем проявлениям социальной нетерпимости и насилия до наших дней дошли в

первозданной неприкосновенности племени и народы, отрицающие во имя свободы государство и предпочитающие жить по законам самоуправления. Думаю, что далеко не случайно владыки так называемых цивилизованных наций именуют их «дикими», а посему – достойными истребления. Те, кто надевает ныне тогу гуманистов и ратует за права человека, истребили миллионы индейцев в Северной Америке с таким же тупым равнодушием, как и бизонов; они же, эти радетели гуманности, уничтожили африканские цивилизации, просуществовавшие тысячелетия, а их свободных и гордых граждан превратили в рабов на плантациях «развитых» государств или же загнали в резервации; они же не пожалели триллионы долларов, чтобы разделаться идеологически и политически с Советами в России, созданными рабочими и крестьянами – как уникальными по значению органами самоуправления и деформированными бездарными политиками и традиционными «государственниками».

И все же в итоге владыки мира, обладающие ныне невиданными ранее рычагами и орудиями насилия, в том числе – информационным оружием, абсолютно бессильны перед поборниками подлинной свободы. Не случайно по пескам Сахары кочуют миллионы туарегов, с презрением отвергающих дары тех цивилизаций, которые неизбежно превратят их в лакеев, официантов, мусорщиков на улицах мегаполисов. Не случайно «уход» из ада западной цивилизации все чаще и чаще становится нарастающим социальным валом исканий альтернативного государству пути общественных самоуправляемых организаций. В том числе – и в форме всевозможных монашеских организаций, противоречащих канонам ортодоксальной, поддерживающей государство насилия церкви любого толка. Более того, в многоплановых и порою до удивительных по неожиданности ростках общественного самоуправления в самом центре тех цивилизаций, которые основаны на беспределе государственной власти, мощи которой могли бы позавидовать самые страшные тираны-властители прошлого. В этой связи нельзя не удивляться поразительной тупости власть имущих в так называемых развитых странах, а проще говоря – в странах, паразитирующих на нищете и бедности «развивающихся стран», которым не дано в силу политических амбиций предугадать, чем станут в будущем эти тропы альтернативного государству исторического пути человека, прорастающие у них под боком все чаще и активнее.

Что касается второго вопроса, то он непосредственно подводит нас к осмыслению парадоксального обстоятельства. Его суть в том, что вопреки всем усилиям владык мира на разных отрезках нашей краткой человеческой истории единообразие власти не привело и не могло привести к унификации нашей живой природы. Проще говоря, никому и никогда не удавалось добиться тотального превращения любого человека в животное / я имею здесь в виду негативную характеристику, которую мы всегда используем в повседневной речи, оперируя этим термином /. Рядом с животным в обществе, то – есть обыденным человеком всегда существовал и человек как нормальное общественное животное, которого мы с полным правом называем Венцом творения в иерархии природы.

О том, что такого превращения всего человечества в обывденное стадо никогда не было, да и не могло быть в прошлом, с исчерпывающей полнотой доказала современная наука во всех ее профессиональных ответвлениях. Об этом свидетельствует и высокая художественная культура, равно как и позиция представителей великих вероучений, всегда активно противостоявших в лице их лучших представителей сатанинским взглядам на человека. Но не может его быть и теперь, когда власть, на первый взгляд, стала всемогущей благодаря историческому опыту, несметным богатствам, сосредоточенным в ее руках, а также тому принципиально новому обстоятельству, на которое обратил внимание профессор С. П. Расторгуев, отметивший, что делегирование властных полномочий в странах, определяющих новый мировой порядок, осуществляется на базе информационных технологий. А это куда страшнее, чем все достижения тирании за всю историю человечества.

Безусловно, власть всегда добивалась подчинения своим зловещим целям толпы, массы. Той самой толпы, которая, выдав Христа, вопила: «Распни его!». Того самого скопища полуживотных, йеху, которые не только наслаждались зрелищем пыток и казней

мучеников, единственной виной которых всегда была их неординарность, но и сами всегда были готовы растерзать их, побить камнями, громить лавки иноверцев либо подталкивать невинные жертвы к печам газовых камер. Того быдла, которое в дурмане «национального интереса», «восстановления попорченной исторической справедливости», а то и в гипнотическом состоянии всеобщей истерии сбрасывает простые и прекрасные трудовые одежды, меняя их на серые, унылые шинели и идет, все круша на своем пути, опьяненное запахом братской, человеческой крови. Вчитайтесь еще и еще раз в Бертольда Брехта, Ремарка, Хемингуэя – и вы посмотрите на непрерывные, человеком порождаемые кровавые вакханалии глазами Homo divinas, для которого любое, самыми возвышенными целями оправданное самоистребление человечества является следствием ошибочной социальной природы. Вдумайтесь в простой вопрос – где и когда люди, яростно истреблявшие друг друга, добились какой – либо практической выгоды для себя? Никогда! А тот факт, что провокаторы от власти всегда остаются в бесспорном выигрыше, человек обыденный почему – то сразу забывает, чтобы сразу же начать истребление себе подобных.

Но подчинение толпы власти, которое характерно для информационной цивилизации под сенью водородной бомбы, ни с чем прошлым несравнимо. **Оно носит тотальный и универсальный характер.** Тотальный потому, что власть добывается воздействия на всех, исключая людей перспективно мыслящих, тонко чувствующих и беспредельно верующих в духовные ценности самоуправления как пути к реальной свободе. А их – ничтожное меньшинство в человеческом стаде, провозвестников будущего, способных противостоять воздействию всех средств массовой информации, функционирующих согласовано и скоординировано по велению власти, равно как и всем новым формам экономического и внеэкономического принуждения. И жизнь их действительно драматична, ибо они обречены судьбой как первопроходцы реально оценивать все происходящее в обществе вне всяких предубеждений, будь то теоретические штампы и стереотипы, эмоционально-образные и власть имущими отработанные идеалы, религиозные догмы, утвержденные истолкователями великих вероучений, как правило – вопреки их гуманистическому пафосу. Наследники Гамлета и Чацкого, князя Мышкина и трепетных героев комедий Чехова, они в отличие от исторических предшественников имеют дело с монолитом обработанной новейшими информационными технологиями дебилизированной и обыденной толпы, напрочь лишенной веры в фундаментальные ценности человеческого духа.. Подобного противостояния в прошлом не было и быть не могло, ибо молох государства все-таки был еще в процессе становления, пробы своих действительно зловещих сил. Да и само государство при определенных условиях оказывалось формой / пусть и ограниченной по социальной базе / общественного самоуправления. Вспомним в этой связи, что Древняя Греция, открывая миру все возможные типы государственности, отработала и демократию, а точнее самоуправление свободнорожденных, ибо власти народа никогда в истории, пошедшей по пути государственности, не было и быть не может. В Афинах, например, выборность всегда сочеталась с обязательной сменяемостью общественных должностей в определенный срок и переключение граждан на другие, порою не всегда приятные обязанности. По этому пути шел и республиканский Рим, в котором безусловная преданность римскому народу и государственной системе всегда сочеталась с неукоснительным исполнением общественных обязанностей. Впрочем, духовные пророки человечества уже тогда предупреждали о возможных результатах такого становления самоуправления в рамках государственного пути. «В мире нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство», утверждал Никколо Макиавелли, озадачивая последующих доброжелательных комментаторов своим мнимым аристократическим снобизмом и презрением к плебсу. Может быть, применительно к жизни современников, еще не подавленных абсолютно мощью государства, его утверждение – некоторое преувеличение. Но сегодня, в условиях безраздельного господства государства над всеми сторонами жизни «свободных» граждан его афоризм воспринимается как осуществленное пророчество.

Мои оппоненты – государственники обычно оспаривают утверждение о перерастании государства по логике его развития в тоталитарную силу. Разве, говорят они, человек не получил в образцовых с их точки зрения, развитых странах свободу передвижения и выбора места жительства? Разве не волен он получить любое образование, а стало быть – и профессию? И не избавлен ли он от пещерного страха голодной смерти благодаря социальным программам, принятым в этих государствах? Что же касается организации той части свободного времени, которое принято именовать досугом, то такого разнообразия его форм, начиная с выступлений гладиаторов XX1 века – профессиональных спортсменов, заставляющих переживать сотни тысяч зрителей на стадионах и миллионы – у экранов телевизоров и кончая безумной «лихорадкой – стремленьем к перемене мест» - индустрией туризма наши ближайшие предки не могли и предугадать.

Отвечая на эти и аналогичные им вполне оправданные вопросы, хочу подчеркнуть их бесспорную, фактами подтверждаемую правомерность. И одновременно – некоторую их каверзность, связанную с характером тоталитаризма любой / подчеркиваю – любой / современной власти. В том числе и той, «рыночной», поставившей перед идеологами сверхзадачу борьбы с тоталитаризмом социалистической системы, **которая в идеале, в потенции рождалась и укреплялась как общественное самоуправление, то – есть как антипод тоталитаризма.** Ибо благодаря новым информационным технологиям манипулирования духовной жизнью миллионов властители получили возможность отпустить вожжи, еще крепче зажав удила. Парадокс, но абсолютно достоверный и зловещий! Более того, они впервые в истории сумели создать иллюзию невмешательства государства в индивидуальную жизнь граждан, прикрываясь фиговым листком прав человека. Как и всякую иллюзию, ее не так просто развеять, особенно в условиях информационной монополии тех немногочисленных, но дьявольских социальных сил, которые ныне от сращения с государством перешли к прямому его подчинению своим корыстным целям.

Действительно, гражданин большинства стран планеты в соответствии с основополагающими принципами Организации объединенных наций имеет право на свободу передвижения и выбор места жительства. Но те государства, куда ныне устремляется основной поток иммигрантов в поисках более высокого заработка и гарантий социального обеспечения, встречают на своем пути такие неведомые им зачастую ограничения, которые в дым и прах развеивают мечты о полноценном гражданстве в сытой и ухоженной стране. Так, даже этнических немцев, эмигрирующих в Федеративную республику Германия из России, Казахстана, Украины поджидает обязательный экзамен по немецкому языку как барьер, который им не преступить. Подбор же иных иммигрантов совершенно отчетливо регулируется задачами умножения новой дешевой силы, преимущественно – квалифицированной. Но даже этот подбор отнюдь не связан со свободой выбора человека, ибо его долгие годы держат в подвешенном состоянии, не предоставляя гражданства. А в большинстве же стран, таких, как благополучная Швейцария либо отлично обустроенная Норвегия получение гражданства или даже вида на жительство остается практически несбыточной мечтой. Кстати, здесь возникает такое напряжение, последствия которого в социальном плане никто не может прогнозировать даже на ближайшее будущее.

Простому обывателю невдомек, что сотни государственных организаций Европы, проходящей процесс интеграции, жестко и скоординировано, в соответствии с социальным заказом власть предержащих, регулируют человеческие потоки на базе современных информационных технологий. Да и Россия не отстает в этом отношении, отказываясь в какой – либо достойной человека форме обустроить жизнь миллионов / повторяю – миллионов / иммигрантов из разных бедствующих районов мира, в том числе и беззащитно, позорно преданных ею же бывших соотечественников, предпочитая держать их в положении фактически бесправных рабов. Если не верите моему утверждению, то попробуйте поблуждать по российской глубинке, и вы увидите столько человеческого горя и социальной незащищенности, которых, быть может, не знали и все прошлые потоки переселенцев по России и за ее пределы.

Конечно, в соответствии с общепринятыми мировыми нормами любой человек имеет право на образование. Но право – отнюдь не реальность, и владыки мира прекрасно понимают, что нет ничего более опасного для их явной и тайной власти, мощи которой могли бы позавидовать все сильные мира сего, проложившие в прошлом кровавый путь беззакония и всевластия, чем подлинная образованность каждого. Поэтому ими же отработана система социально - дифференцированного и платного образования, которая создает на пути каждого ребенка десятки плотин, препятствующих его свободному и всестороннему развитию. Такому развитию, модель которого в прошлом разработали представители Homo divinas, приверженные пути общественного саморегулируемого управления. А ныне взяли на вооружение отнюдь не глупые властители мира, но для обучения и воспитания своих отпрысков.

Социально - дифференцированное и платное образование – примитивное и вместе с тем весьма эффективное средство, способствующее решению двух взаимосвязанных задач. Первая из них – поддержание того «стандарта образованности масс», без которого немислимо существование современного социума, где даже лакей должен на элементарном уровне владеть новой техникой, хотя бы отогнать машину суперсовременной марки от подъезда, где и портье не сможет занять престижного места без владения компьютером и многими языками. Вторая – формирование новой и крайне малочисленной расы господ, того сверхчеловека, которым мнят себя спрятавшиеся в атомных бункерах под недремлющим оком вооруженной живой и электронной охраны нынешние избранники дьявола. Именно они добились впервые в современной истории абсолютного неравенства стартовых возможностей в образовании всех детей. В том числе и в России вопреки ее вековым гуманистическим традициям. Недавно сидел неподалеку от группы / «тусовки» / выпускников школы, задумавшихся не без страха о ближайшем будущем. Лишь один лохотенный черноволосый паренек саркастически оценивал тревожные суждения бывших одноклассников, повторяя одно и то же: «Каждому – свое». Девушка, хорошо знакомая мне по многим годам наблюдения за нею, начитанная, целеустремленная, трудолюбивая, но обремененная заботами любого ребенка из многодетной и полунищей семьи, просто и без какой – либо видимой зависти сказала полушопотом: «Хорошо так рассуждать, когда у тебя своя лошадь, дача на Канарах, возможность играть в теннис почти ежедневно и зарезервированное миллионером - батюшкой место в английском колледже».

Государственники, отвергая мою концепцию образования в системе самоуправляемой общественной структуры, блистая эрудицией, обычно приводят утешительные примеры, свидетельствующие о том, что уникальный талант в итоге всегда и везде будет востребован. Как Фидий и Эзоп вопреки их рабскому положению, как Михаил Ломоносов и Михаил Щепкин, добившиеся вопреки «низкому происхождению» общенационального признания, как московские полунищие студенты Университета, ухитрившиеся благодаря незаурядному, я бы даже сказал – уникальному таланту вырасти в Соединенных штатах Америки до уровня выдающихся экспериментаторов, на какое-то мгновение сумевших остановить свет! Все это правда и элементарщина, господа вы мои хорошие, ибо какой власти не нужен подлинный талант. Но сколько же других, и притом – в самых разных сферах жизнетворчества, а не только в потребных властителям, погибает ежедневно на наших глазах в неисчислимом количестве!

Нельзя не согласиться с утверждением государственников, что современный уровень сельскохозяйственного производства и новые аграрные, действительно революционные технологии избавили многие страны, их население от веками загонявшегося в подсознание страха перед голодом. Но далеко не повсеместно страх этот исчез, ибо по данным ООН на грани голода живут ныне миллиарды людей, подвластных весьма жестко организованным государственным структурам. Более того, пора со всей откровенностью признать, что голод для государства всегда оказывается кстати, когда необходимо спровоцировать массовые народные выступления в поддержку любого демагогического лозунга для достижения властью предрержащими циничных политических целей.

О том, насколько эффективны подобные провокации, можно судить не только по

классическим примерам из далекого прошлого, но и по действиям наших властителей. Они целенаправленно, продуманно и своекорыстно готовили тот верхушечный переворот, который привел к распаду великой страны – СССР, предусмотрев в ряду мер манипулирования настроением масс искусственно созданный товарный дефицит при полном изобилии продовольствия на складах!

Да и теперь обыватель, созерцая на улицах городов и сел тысячи и тысячи голодных стариков и детей, не подозревает, что России даже в ее нынешнем позорном состоянии вполне по силу прокормить все население. Он попросту еще и еще раз терпеливо как мул под непомерным грузом испытывает на себе прославленную шоковую терапию, втайне молясь о том, чтобы чаша сия миновала и его, и его близких, даже не помышляя о человеческой солидарности, о возможности другой, самоуправляющейся системы ее реализации. Он в силу политической благоглупости полагает, что пустующие и разрушающиеся заводы и фабрики, что разграбленное, некогда процветавшее сельское хозяйство и нищие старики на его руинах, не затрагивают его индивидуальной судьбы. Он не ставит, да и не может поставить перед собой в силу хронической политической необразованности вопроса о том, какую зловещую роль в его судьбе и судьбе миллионов сыграло «демократическое государство», а точнее – откровенно и коварно узурпировавшие власть старые властные структуры, от партийной и комсомольской верхушки до руководящих работников государственной безопасности, от высших военных чинов до заметных советских руководителей. Не считаю необходимым приводить их имена – они у всех добропорядочных граждан на слуху. В порядке небольшого отступления отмечу, что в период написания книги о политической культуре неоднократно обращался к тогдашним партийным боссам с предложением резко активизировать контакты ученых с рабочими и крестьянами, ибо подобные контакты поощрялись ими лишь в работе с так называемой творческой и технической интеллигенцией. Теперь осознаю, что это был глас вопиющего в пустыне, ибо правящей верхушке уже тогда было предельно ясны ее ближайшие политические цели, никак не предполагавшие развитую политическую культуру миллионов, напротив, основанные на расчете превращения каждого – в *Ното vulgaris*. Что же, у них есть все основания праздновать подобную Пиррову победу. Надолго ли – вот действительно коренной, русский вопрос...

Что касается организации досуга, то в ней ныне произошли подлинно революционные изменения. Они предопределены прежде всего тем, что в развитых промышленных странах резко увеличивается свободное время наемных работников, а в так называемых развивающихся странах оно растет за счет хронической явной или скрытой безработицы большинства населения. Упустить этот резерв идеологической обработки масс, не использовать его как особо эффективное наркотическое средство было бы благоглупостью, которую не могут себе позволить умные властители мира, преотлично усвоившие уроки истории. Своевременно поняли они и тот факт, что техническая революция, породившая радио, кинематограф и телевидение, а затем и революция в сфере информационных технологий, вызвавшая к жизни компьютер, интернет, невиданный доселе виртуальный мир, космическую связь дали им в руки фантастическое по эффективности глобальное оружие манипулирования мыслями, чувствами и верованиями миллиардов землян. Приведу в качестве иллюстрации одно наблюдение, которое позволил мне сделать более чем полувековой опыт контакта со студентами и слушателями различного типа образовательных учреждений. В пятидесятых – шестидесятых годах явственной была неординарность их суждений, отчетливо выявлялись индивидуальные, только личным опытом добываемые предпочтения в науке, искусстве, вере. Ныне, у истоков нового тысячелетия, прямо – таки озадачивает стереотипный характер всех суждений и оценок, повседневно и легко прогнозируемый каждым, кто следит за деятельностью разнообразных средств массовой информации. И одновременно – откровенно огорчает почти неодолимый процесс снижения духовного потенциала большинства молодых людей, что фиксируют все серьезные исследователи социокультурной ситуации.

Ното comus / веселый человек / - таким представляется нам человек толпы сегодня при учете этнического своеобразия и его национальных традиций в деле

организации и проведении досуга. Я бы сказал – безмерно веселящийся, словно в ожидании какой – то всемирной и неизбежной катастрофы. Говорю об этом без каких – либо политических пристрастий и идеологических стереотипов, понимая преотлично, что техническая и информационная революции радикально изменили наш досуг и открыли перед нами, людьми реальные возможности для его использования в деле формирования Homo divinus. Так, европейская культура и ее тысячелетние традиции порою органически сочетаются с достижениями технической и информационной цивилизаций, что и предопределяет достаточно высокий духовный потенциал современных европейцев. Подобное положение дает нам и противоречивая духовная жизнь других, неевропейских народов.

Предвижу законное недоумение читателей – а почему же считаю ее противоречивой. Да потому, что в ней ныне все большее место занимают факты и тенденции, свидетельствующие об использовании государством реальной власти в целях тотального господства над идеями, чувствами и верованиями массы, толпы. Сегодня государство и только государство регулирует, кому и как проводить свой досуг, чему и как радоваться, как – веселиться. Нет, здесь заправляют отнюдь не шоумены – их сомнут в мгновение ока, если они перестанут четко выполнять социальный заказ. Нет, здесь властвуют не увлеченные, достойные преклонения спортсмены или яркие творческие личности в любых других сферах, так или иначе связанных с организацией нашего досуга, достойные всенародного почитания. Все они – **только современные гладиаторы** - профессиональные бойцы, а затем и воины – рабы, обреченные смерти на арене римских цирков. Вы вдумайтесь спокойно и непредвзято: их и ныне продают как рабов, меняют и затем выбрасывают как стертые пятаки, потерявшие ценность.

Кукловоды же, остающиеся в тени благодаря всемогущей власти денег, определяют не только задачи новых гладиаторов, но и то, как и чему нам следует радоваться, какой тип поведения желателен для веселящейся массы – на стадионе, на площади, в увеселительных заведениях и концертных залах. Их щедро оплачиваемыми пособниками в этом отношении являются умножившиеся, словно грибы – поганки без счета после дождя всевозможные радио - и телекомментаторы, поднаторевшие в деле взвинчивания публики до истерии, “свободные ” хозяева полученных в аренду от боссов пабов и центров досуга, стадионов и парков, демонстрационных залов и клубов “ по интересам ” и более мелкие рыбешки – дилеры, организующие массовый психоз при помощи отплясывающих вдоль хоккейной площадки мясистых девиц либо скрытой клаки.

Неужели сам, по доброй воле и вопреки культурной традиции своего этноса зритель воет от восторга, когда перезрелая голая баба вертит перед его носом в ресторане своими телесами, лихо носясь по сцене в оплаченном сексуальном экстазе словно бес на помеле? Неужели сами по себе, без влияния средств массовой информации и дилеров от шоу - бизнеса группируются фанаты, изобретающие невероятные, унижающие человеческое достоинство ритуальные знаки отличия – выстриженные под петушиный гребень прически, татуировки на почти полностью обнаженных и как правило – уродливых телах, использующие нелепейшие трещотки и свистульки и провоцирующие драки до полного озверения? Неужели, хотел было я продолжить вполне риторические вопросы, но и ты, мой читатель, приумножишь их без особого труда, вспомнив пагубное влияние кинофильмов, убогие развлекательные программы и викторины всевозможного рода на радио и телевидении. Так можно ли в такой ситуации всеобщего одичания не говорить правду о власти, которая использует все рычаги государства для тотального влияния на толпу, на Homo vulgaris!

Не могу, не хочу верить в то, что гладкие и одинаковые как мыльные пузыри мальчики и девочки из вокально-инструментальных ансамблей, лишенные элементарной исполнительской культуры и музыкальной образованности, способны действительно покорять души нормальной поросли рода человеческого. И когда на любом / повторяю – на любом, безотносительно к качеству / их выступлении, взвинченном до предела пиаровскими специалистами при помощи чудес новой техники / многотысячная толпа зрителей воет в восторге так, что даже стаду перепуганных коров не добиться подобного шумового эффекта , невольно и грустно проговариваю про себя: «Не может быть, потому

что такого быть не может в стране с великими музыкальными и хоровыми традициями». Ан нет, подобная реакция, поддерживаемая и провоцируемая как норма поведения средствами массовой информации и ее лишенными элементарного вкуса лидерами, стала типичной для молодежи нашей России, застывшей на роковом перепутье между прошлым и будущим в той же мере, как и для молодежи большинства других стран.

Тотальное влияние современного государства на все стороны бытия человека подкрепляется его **универсальным характером**. На практике это означает, что **государству ныне подвластны не только все так называемые «воспитывающие силы» / да простит мне заинтересованный читатель убогую лексику педагогической прессы /, но и все грани духовной жизни Homo vulgaris**. Проще говоря, все традиционные и новые, информационной цивилизацией порожденные возможности формирования выгодного власти типа человека, человеческой индивидуальности она использует с полным пониманием дела и, как говорится, на полную катушку.

Panem et circenses – хлеба и зрелищ! Кому не известна эта исходная формула владык Рима, давным – давно преотлично овладевших искусством манипулирования толпой. Но то, что стало возможным теперь, в эпоху информационной цивилизации, не могли даже представить в воображении древние всесильные властители мира. Вдумайтесь без идеологических предубеждений, трезво и достоверно, в соответствии с новыми реалиями нашей жизни: было ли когда – либо в прошлом всеобщее оскотинивание толпы / в отличие от представителей удивительной, вселяющей надежду на будущее человечества породы Homo divinas /. Никогда! Потерпев поражение в одной какой – либо сфере духовной жизни, скажем, в уровне образованности, люди, самые забитые и обездоленные властью, действительно униженные и оскорбленные ею, могли использовать **феномен духовной компенсации**. Так неграмотные крепостные в Европе рожают поэзию вагантов, подневольные крестьяне в арабских халифатах создают непревзойденное и поныне прикладное искусство, крепостные крестьяне в Китае, отлученные от вершин современной им науки, тонкой и поистине изощренной, созидают фантастические по красоте керамические изделия, шедевры литейного искусства и резьбы по кости. В нашей многострадальной России, едва ли не позднее всех избавившейся от позора многовекового крепостничества, обреченной «просвещенными» Романовыми на почти полную неграмотность населения вплоть до первых десятилетий двадцатого века по христианскому счислению, именно эти массы сохранили и передали нам неувядаемые традиции язычества, древнего свободомыслия и едва ли не богатейший в мировой культуре фольклор. В их среде всегда теплился огонек вольнолюбия, нетерпимости к властному насилию, короче говоря – подлинной политической культуры равного среди всех равных по рождению человека. Не зря лучшие умы предостерегали властителей о призраке русского бунта, страшного и беспощадного! Не зря истинные аристократы духа, такие, как Алексей Толстой, предостерегали императоров от насилия над народными заступниками, такими, как великий и бессмертный в памяти русского народа Николай Чернышевский!

Мир всевластия государства, в который мы с вами попали волею исторической судьбы **в начале победоносного шествия информационной цивилизации**, создает отличную от прошлого по всем параметрам ситуацию духовного бытия каждого без исключения человека. Ее опять – таки предельно определил проф. С. П. Расторгуев / думаю - именно поэтому его будоражащие мысль книги издаются до сих пор смехотворно мизерными тиражами, где-то на уровне одной - двух тысяч экземпляров, но охотно переписываются, ксерокопируются той русской молодежью, которая оказалась вне сферы всеобщей интеллектуальной дебилизации /. Он так по моей просьбе характеризует эту ситуацию в своей записке: «Процессы производства, распространения, внедрения информации и оценки результатов информационного воздействия стали носить промышленный характер, они поставлены на конвейер».

Властители мира поняли сущность новых возможностей владычества над миром, которые предоставила им эта ситуация. Не жалея любых, потрясающих воображение обывателя затрат, они создали ныне такую информационную паутину, вне которой может оказаться только необычайно сильный духом человек. Homo vulgaris / не без помощи

школы, уже более тридцати лет способствующей его формированию вопреки традициям русского просветительства / , полностью запутавшийся в ее паутине, стал **стандартным / как шарикоподшипники или куриные яйца на птицефабрике /**.

Научные идеи, взгляды, представления? Естественно, без них в условиях современного общества нельзя сделать ни шагу, если ты хочешь быть производительным, то - есть востребованным государством работником. Вот почему перспективно мыслящие властители не жалеют никаких средств для поддержания фундаментальной науки, понимая, что ее идеи и результаты, переходя на бытовой, практический уровень – максимально прибыльны. Американской сказкой, подобно легенде о Форде в период промышленной революции, справедливо стала история молодого паренька, который в полуподвальном помещении в восьмидесятые годы открыл революционные принципы всеобщей компьютеризации, изменившие весь наш мир - Била Гейтса. Скажу откровенно – он «стоит» тех миллиардов долларов, которые ныне стали его личным капиталом как одного из самых богатых и самых талантливых людей планеты.

Следует признать, что властители в России, умудрившиеся в последние два – три десятилетия не только разрушить складывавшуюся систему народного хозяйства, его промышленность и сельское хозяйство, но и почти безнадежно подорвать научный потенциал страны. Где же это видано, чтобы академик, обогащающий мир новыми техническими и технологическими идеями, в финансовом отношении получал меньше, чем консьержка в доме «новых русских»? Чтобы профессура, обладающая уникальными знаниями, уходила на базарную толкучку торговать сигаретами, словно в годы послевоенной разрухи в двадцатые годы? А ведь это не полемическое преувеличение, допустимое по законам избранного мною литературного жанра, но постыдная и всем известная без теоретических и социологических исследований позорная российская реальность. И если эта реальность не сокрушила наших ученых, то это лишь потому, что они – действительные представители той несгибаемой породы, которую я именую *Nomo divinas*. Они в отличие от властителей / по исторической неизбежности – временщиков, за исключением тех мудрых людей, облеченных властью, которые понимают социальную значимость самоуправления и ищут наиболее безболезненный путь к нему в соответствии с традициями этноса / осознают не только свою историческую значимость, но и постоянную ответственность перед будущими поколениями. Поэтому, наверное, они не сдались и не сникли, но продолжают фундаментальные исследования, более того - находят новые, действенные формы самоуправления в рамках существующей государственной системы. Не буду в этой связи прибегать к социологическому обоснованию данной мысли. Приведу лишь один пример, вполне типичный для развития саморегулирующихся систем. Ленинскую премию за вторым номером получил в свое время Эдуард Владимирович Евреинов как основоположник одного из направлений информатики, после известных ныне всему миру разработчиков советского термоядерного оружия. Прекрасно понимая социальную значимость солидарности ученых разных профессий в драматической ситуации девяностых годов, он добился создания получившей мировое признание Европейской академии информатизации и Всемирного Информационно - Распределенного университета при ней. Он впервые организовал систему присуждения выдающимся ученым России ученой степени гранд – доктора философии. Не буду перечислять многие акты, инициатором которых был академик Е. В. Евреинов , равно как и издания этой академии, имеющей свой сайт в интернете – <http://widu.ru>, обеспечивающий непрерывное и творческое общение ученых. Здесь примечательно другое - неодолимость становления и развития общественного самоуправления повсеместно и во всех сферах, в том числе и в большой науке. Примеры развития научного самоуправления легко приумножить

Безотносительно к положению науки и ученых в разных странах государство в противовес самоуправляемой и саморегулируемой социальной системе использует распространение научных сведений в массах лишь в операционных, чисто прагматических целях. Все, что сверх того – от лукавого. Вот почему пропаганда достижений науки здесь причудливо сочетается с внедрением в сознание людей чисто

фантастических, а порою и бредовых сведений. В ход пущены астрология, футурология, поверхностно и даже вульгарно истолкованный психоанализ, мистические учения самого разного толка, фальсифицированные в основе своей верования и дикие суеверия. Тиражируемые последовательно и поразительно масштабно на основе новейших информационных технологий все эти сведения / учтите, что действие происходит на основе необычайно возросшего мирового авторитета науки, веры в ее чудодейственную силу миллиардов людей / **лишают мышление Homo vulgaris объективной достоверности, истинности.** Порою просто поражаешься, какой несусветный бред несут вроде бы образованные люди в суждениях, выходящих за пределы их специфических, чисто профессиональных интересов. Невольно задумываешься с грустью – а была ли в истории человечества блистательная эпоха Просвещения? Но ларчик открывается предельно просто – их суждения не только целенаправленно формируются на основе достижений информационных технологий, но и контролируются в глобальном масштабе благодаря новым возможностям оценки результатов информационного воздействия. Яркий пример тому – интеллектуальный уровень выпускников наших школ, задержанных беспределом реформ содержания образования и его системы, о чем мне приходилось неоднократно и резко высказываться и в статьях, и в монографиях по проблемам современной педагогики.

Любое техническое средство, вроде бы самое безобидное и нейтральное, в деле распространения научной информации оказывается до предела тенденциозным и социально – ориентированным. Кто может возражать против интернета как поисковой системы для оперативного получения необходимой информации? Естественно, только полный невежда. Но поработайте с этой системой, например, на уровне общеизвестных энциклопедий общего и сугубо – профессионального характера. Думаю, что вы согласитесь со мною, что ваша свобода в выборе информации весьма тонко и целенаправленно ограничена, ибо в конечном счете, в итоге находится в поле зрения недремлющего идеологического аппарата государства. Попробуйте, например, в этих энциклопедиях / зачастую создаваемых нашими специалистами, выращенными советской школой и советскими же институтами / узнать подлинную правду о положении народа в дореволюционной России, о прогнившем насквозь режиме самодержавия, сброшенном отнюдь не большевиками, но всеобщим восстанием народа, о фактах, неоспоримо свидетельствующих о величии русского народа в Великой отечественной войне! Предупреждаю ваши усилия – сие дело бесполезное, ибо и в этом случае вашим самостоятельным, свободным мышлением пытаются манипулировать жучки от науки, что является весьма прибыльным, доходным делом. Получая информацию, мы и не задумываемся о том, что она уже отобрана и соответствующим образом препарирована, обработана. Так кто же мы в этом отношении, как не ухудшенный вариант жвачных животных в более или менее сытом хлеву?

Теплится естественная как защитная реакция свободного от рождения человеческого существа надежда, что есть в его духовной сфере неприкасаемые и вполне интимные уголки. **Это – наша эмоциональная сфера.** Если мы где-то в прошлом были относительно свободны, то, конечно, в характере и направленности наших эмоциональных реакций, в эстетических предпочтениях и суждениях, в области вкуса и чувств. Подтверждение тому – вся наша человеческая история, где вы не найдете фактов абсолютного подчинения владыкой, тираном, совокупным властителем - государством или каким-либо еще властным образованием эмоциональной сферы. В противовес всегда возникали элементы духовного сопротивления, свидетельствующие еще и еще раз о параллельном существовании власти и человеческого, свободного самоуправления. Теперь мы с умилением изучаем предметы народного искусства, созданные прошумевшими и канувшими в Лету обычными, заурядными людьми, до которых историкам / ибо последние по воспитанию, по выучке и по служебному призванию – государственники / никогда не было дела. Мы изучаем чудом дошедший до нас фольклор, значение которого ничуть не меньше для человечества, чем великая литература, хотя шедевры устного и письменного творчества всегда таят в себе сокровенные пророчества о свободном человеке, о Homo divinas и эмоционально

подготавливают род людской к исправлению исторической ошибки и возвращению на истинно человеческий путь самоуправления. Кстати, не случайно эти шедевры если не истреблялись, то либо игнорировались властью имущими, либо интерпретировались в выгодном им свете. Как это, например, случилось с классической русской литературой, одухотворенной идеями утопической перестройки природы человека на началах истины, добра и справедливости и преисполненной ненависти к сильным мирам сего. Почитайте, например, публикации на эту тему, посыпавшиеся как из рога изобилия в восьмидесятые – девяностые годы прошлого столетия – и вы с изумлением узнаете, что и фольклор, и творения наших литературных гениев прошлого всегда были подчинены идее «самодержавия, православия и народности». Хотя бы то, что светоч нашей поэзии, «невольник чести» - Пушкин был искренним и убежденным царедворцем. Слава Богу, не перевелись еще на Руси грамотные и думающие люди, игнорирующие холуйствующих перед нынешней властью «комментаторов» и способные самостоятельно прочесть как Пушкина, так и Толстого, Достоевского, Алексея Толстого, Некрасова, Горького, да что там – всех без исключения властителей дум русского народа. Должны же это делать мы все, без исключения, дабы и в себе по каплям выдавливать раба, смелее отказываться от собственных стереотипных суждений, сформированных системой образования, выгодной только поборникам несвободы человека, утверждения его ошибочной социальной природы как нормы.

Они же глубоко вбиты, точнее – вдолблены в подсознание не только новых поколений, но и преуточно соседствуют в сознании тех, кто имел счастье формироваться в условиях функционирования совершеннейшей в мире советской системы образования. Так, прекрасно помню, что наши умнейшие педагоги – литераторы, рассказывая о свободомыслии выпускников Царскосельского лицея, всегда подчеркивали, что не все они оказались Пуцциными, Кюхельбекерами и Дельвигами, что были среди них и те, кто в силу незаурядного таланта и отличной выучки достиг высоких степеней среди правящей в России иерархии и служил ей не за страх, а на совесть. Как пример, назывался Модест Корф. Но недавно / к стыду моему, только недавно! / прочитал его фундаментальный исторический труд – «Брауншвейгское семейство». Советую тебе, мой дорогой читатель, найти эту книгу, основанную только на тщательно подобранных М. Корфом архивных материалах. Прочитав, ты согласишься со мною – едва ли найдется в нашей литературе подобное беспощадное и неопровержимое описание кровавых деяний на Руси в 18 веке всех Романовых, их неумной жестокости и коварства, их откровенно преступных деяний «во имя государства». Так что М. Корф остался верным духовным заветам лицейского братства.

Задумайтесь, почему я делаю в этой связи акцент именно на эмоциональном мире человека и на искусстве как факторе борьбы за свободу. Конечно, отнюдь не потому, что еще и еще раз хочу напомнить тривиальную истину об его значении в духовной жизни, о художниках – не только как о властителях дум, но и как об инженерах человеческих душ. Дело ныне в ином, а именно **в принципиально новых способах и масштабах регулирования эмоций властью, государством, владеющих информационными технологиями**. Обволакивая словно слизкий спрут человека толпы, вторгаясь во все стороны его повседневного бытия, они смещают все традиционные ценности и соответственно - реакции на них. Если бы еще недавно я попытался обосновать в аудитории мысль о возможности жестко predetermined кем-то шкалы реакций: над чем смеяться и по какому поводу плакать, когда и почему радоваться или – негодовать, что красиво и современно, а что – безнадежно устарело, слушатели отнесли бы мои аргументы к области футурологической фантастики. Сегодня такие возможности повседневно реализуются практически целой армией специалистов. Они не только формируют общественное мнение, предваряющее событийный ряд. Владея изощренными профессиональными приемами и богатейшим арсеналом информационных средств целенаправленного регулирования эмоций, от рекламы до ангажированной властью критики, провозглашаемой высшим авторитетом в области вкуса, от ландринных журналов до запрограммированных рекомендаций и советов неведомого собеседника в интернете, они владеют всеми реакциями толпы, сборища Homo vulgaris.

За примерами не надо далеко ходить. Вслушайтесь, как смеется толпа над тем, что еще недавно почитала святыней, и причем – вполне искренне, как ликует она сегодня там, где следовало бы плакать. Как равнодушие словно проказа поражает добрых и отзывчивых по природе своей русских людей, привыкших считать благодаря средствам массовой информации чем-то нормальным или неизбежным мировым злом / соответствующим стандартам быта богатых, преуспевающих стран / - детей, просящих подаяние в метро или электричках, малолетних проституток, стоящих по вечерам не только на улицах мегаполисов, но и на скоростных автотрассах, целую армию «бомжей» / словечко какое придумали! / и бессильных стариков, собирающих ночами бутылки в урнах или роющихся в помойках, тех стариков, которые когда-то преопределили и славу, и великую Победу России

Впрочем, полный эффект ориентации эмоций, ожидаемый властью соответственно вложенному капиталу, может быть достигнут только при всеобщей лоботомии всего населения. Что, к счастью, пока еще невозможно или до чего еще не дошла всесильная генная инженерия. Как одна из граней органически присущей нормальным людям стремления к жизни в саморегулируемом коллективе выявляется достойное, подлинно человеческое по направленности развитие эмоционального мира и его характера. Вот почему наряду с психозом безвкусной моды, типичным для йеху, все активнее распространяется добрый и милый стиль одежды, тканей, украшений. Вот почему не перестает звучать подлинно лиричная песня, связанная органически с народным мелосом, а на эстраду / хотя и с трудом, вопреки жесткому диктату монополизировавших ее всесильных йеху - шоуменов, расплодившихся ныне у нас наподобие неистребимых черных тараканов / пробивается преисполненное гражданского пафоса творчество наших подлинных бардов.

Пожалуй, самая драматичная битва не на жизнь, а насмерть разворачивается в одной из самых деликатных сфер духовного мира – **в области веры**. Человек, приверженный определенной вере / как мы говорим в повседневном общении – убеждениям, хотя это и не совсем корректно в теоретическом отношении / готов на все вплоть до смерти во имя ее торжества и защиты. Вспомним, как говорили в древние, античные времена: «Спарту можно уничтожить только тогда, когда погибнет последний ее гражданин». А ведь так и было, и притом – не только в Спарте, но и в целом ряде других цивилизаций, в том числе и нашей, русской. Следовательно, властителям и их организации - государству всегда было далеко не безразлично, во что верят их подчиненные, насколько глубока их вера в провозглашаемые ими ценности. Не безразлично это и тем рыцарям духа, которые понимают роль истинной веры в альтернативном движении человечества на основе самоуправления и подлинной свободы всех на пути к Homo divinas.

Хочу быть правильно понятым моим читателем – вера как принятие чего – либо за истину без доказательства умом и чувствами на торном пути человечества зачастую обретает особую, специфическую форму развития духа – религии. Многострадальный, трагический опыт человечества показывает, что нередко владыки мира используют религию в зловещих, антигуманных целях. Каждый без труда вспомнит, сколько крови было пролито, сколько бесценных человеческих жизней было уничтожено под флагом борьбы за «истинную веру», более того – сколько великих цивилизаций было обращено в прах. Но ведь в любой религии скрыт и иной, жизнеутверждающий потенциал, что всегда позволяло и позволяет борцам за свободу, за человеческий путь развития человека на пути самоуправления в своих возвышенных целях объединяться и выступать под религиозными знаменами. Не стоит забывать, что некоторые древнейшие, народные религии / позднее наименованные языческими как негативным по характеру эпитетом, хотя «язык» это и есть этнос или народ/ цементировали человеческое самоуправление. Так было в Центральной Европе до периода ее христианизации в конце первого тысячелетия по нашему, европейскому счислению. Так развивалась языческая Русь до утверждения в ней византийской государственности. Так жили и викинги, прародиной которой была псковская земля. Религия как скальпель: она может быть и орудием убийства, и инструментом исцеления; все дело в том, чьи руки держат этот скальпель.

Под знаменами религии шли те первопроходцы духа, которых не покинула генетическая память человечества об открытом их предками в далекие времена самоуправлении. Под этими же знаменами шли и те сотни миллионов йеху, избравших рабство духа в любом государственном оформлении, подчинившихся насилию властителей и тем самым отказавшихся от нормального для социальной природы человека пути самоуправления. В полной мере этот парадокс характеризует и более масштабный и универсальный феномен веры, которая может слепой и даже пробуждающей в человеке самые низменные, дьявольские инстинкты вроде ненависти к людям другой расы, но может быть и фактором возвышения человека на пути Homo divinas.

Не развивая мысль о вере и религии в структуре духовной жизни человека как самоуправляемой системы, **обращу внимание лишь на одну типологическую характеристику йехуизма – ренегатство.** Ее следует трактовать не как любое отступничество / скажем, именуя так измену присяге властителю или несправедливой власти /, но лишь как сознательное, а потому коварное отступление от добровольно избранных норм поведения в самоуправляемом социальном организме.

Мало кто сомневается ныне / хотя бы в двенадцатый час ночи, когда можно думать, что хочешь и можно говорить, что думаешь / в реальности постепенного нарастания элементов социалистического самоуправления в наиболее развитых странах. Старые социологические клише сегодня при характеристике многих стран уже не срабатывают. Тем более удивительно, что в период развертывания реформаторских преобразований в России / оценка которых – дело ближайшей истории /, в стране, проложившей один из возможных путей самоуправления – Советами появился достойный пера М. Е. Салтыкова – Щедрина тип ученого ренегата. Для меня он четко ассоциируется с конкретным йеху – психологом по призванию, «организатором науки» по удачно избранной карьере. Существом вполне типичным в интересующей меня связи, так что в персонификации здесь нет необходимости. Внимательно следил за ним на всех этапах, вплоть до освоения самого высокого кресла руководителя ассоциации научных коллективов. На одном из них не без интереса наблюдал, как вывешивается его портрет среди фотографий ветеранов – фронтовиков со всеми регалиями и знаками отличия, как публикуются его многочисленные статьи о вкладе марксизма – ленинизма в психологическую науку. Но вот подул ветер социальных перемен и новых государственных установок – и мой герой неожиданно заявляет, что безмерно стыдится своего военного прошлого и наград за него, отнюдь не собирается отмечать День Победы / той самой, которая предотвратила полное истребление его этноса /, к случаю и без него подчеркивает вполне откровенно свою близость с новым властью и начинает травлю ученых, не предавших социалистические идеалы, как бы сжигая все то, чему еще недавно поклонялся. Конечно же, не тому, что сжигал – для йеху это было бы непосильной задачей.

Не ищите персональных аллюзий, ибо перед вами – конкретный и вместе с тем обобщенный образ современных йеху. А таких йеху обосновалось вокруг нас, более того – взгромоздилось на все трибуны без счета. Они убежденно вещают об интересах народа, о демократии - с благославления власти, и конечно же – от имени цивилизации, выступают в роли правозащитников, создают партии, блоки, фонды, одно перечисление которых вполне могло бы вызвать к жизни бессмертные тени Свифта, Гоголя, Салтыкова - Щедрина. Вещают, наивно полагаясь на наше беспамятство, на то, что нет ныне силы, способной обличить их в ренегатстве. Вспомним же в этой связи, не ввязываясь в политические препирательства: «Есть, есть Божий суд, наперсники разврата!».

Люди, охарактеризованные мною как йеху информационной цивилизации, живут рядом с нами и вместе с нами. Они – закономерный результат развития общества по пути государственности. Более того, результат универсальный, ибо в условиях тотального господства крайне изощренной системы государственной власти, охватившей, словно спрут, все стороны человеческой жизни, черты и признаки людей типа йеху, их поведения и характеров живут и в нас. Поэтому мы не без грусти мечтаем о Homo divinas как идеале, как норме совершенства, к которой мы можем и должны стремиться. Естественно, если человек способен стать подлинно социальным животным, если социальность станет не

только его сущностью во всех проявлениях жизнедеятельности, в том числе и в характере управления обществом, но и в преимущественной ориентации его духа. Скептики, склонные к цинизму оценок, охлаждают наш романтический пыл, утверждая, что общая тенденция истории - упрощение человека во имя господства над ним немногих, избранных, одичание на пути государственности, ускоренное информационной цивилизацией. А самый простой и легко прогнозируемый вариант такого упрощения – делегирование властных полномочий могучему современному государству – левиафану на базе информационных технологий во имя спокойной, ухоженной, сытой жизни обездуховленного большинства. Естественно, что в таком случае современные йеху – оправданный, правомерный итог всеобщего торжества подобной тенденции безудержного, неведомого миру живой природы – озверения., совпадающий во времени с нарастанием нового типа социальной дифференциации.

Не спешите с ригористическим осуждением высказываний, эпатирующих ваши устоявшиеся еще в школе представления о человеке как воплощении добра, исключаящем любой йехуизм. Ведь образовательное учреждение любого типа и не может давать воспитанникам иные представления, ибо его задачей в итоге всегда является возвышение человека в безграничной сфере знаний, эмоций и верований, в его деяниях, поступках. Но истинны ли эти представления – вот в чем суть! Быть может, они не учитывают той дьяволиады, которая изначально присуща человеку? Быть может, наш магистральный путь – не вперед и выше, но назад и ниже?

Запутанный клубок вопросов, возникающих при подобном подходе к человеку, прямо-таки озадачивает каждого самостоятельно мыслящего и тонко чувствующего человека, не отказывающегося от веры в некие незыблемые ценности духа. Но еще больше озадачивает безграничное количество вариантов возможных ответов, уже выработанных Мировым разумом, движением цивилизации, тем, что мы называем **развитием человека**. Попробуем вместе трезво и вне отработанных тенденций взглянуть на себя, а стало быть – на человека. Наша цель – не суд, но суждение, не замена одних догм и стереотипов другими, обладающими зыбкими признаками новизны, но смена ориентиров бытия.

Наверное, ничто в природе так детально и всесторонне не исследовано, никакому другому предмету не посвящали художники – первооткрыватели нашего эмоционального мира столько пристального внимания, никого великие вероучители так не возвышали или проклинали, как человека. Казалось бы, о человеке все сказано. Но он, как легендарный Протей, ускользает от любых определений, схем, социологических догм и образных мифов, от эпохи к эпохе появляясь в новом историческом облике. Невольно крадывается вполне обоснованное сомнение в возможности выстроить единую концепцию сущности этого загадочного существа, лишённого какой – либо константности. Ранее море человеческих судеб давало некоторую надежду на обобщения, ибо существовала устойчивая иллюзия социальной дифференциации с момента появления государственности / рабы – рабовладельцы, крепостники – крепостные, капиталисты – пролетарии /, подкрепляемая реальным существованием сословных или кастовых перегородок между людьми.

Размытый, неопределенный мир бытия человека в период информационной цивилизации окончательно похоронил эту иллюзию. Попробуем же подойти к современному человеку с иной стороны, признав как факт предельную социальную дифференциацию а затем – избрав позицию коллекционера поразительно любопытных типов современного йехуизма. Убежден, только просмотр подобной уникальной галереи в виртуальном мире воображения даст нам ответ на сакраментальный, извечный вопрос о возможности торжества Homo divinas

**Разумный Владимир Александрович
Венец творения или ошибка природы
/ парадоксы философии йехуизма /
В двух частях. Часть первая.**

**КОПИ-ЦЕНТР св.77.0317575 Тираж 500 экз.
тел. 185-7954
г.Москва М.Бабушкинская ул.Енисейская, 36 комната N1
(Экспериментально-производственный комбинат)**

**Компьютерная вёрстка
Коротков А.В.**

**Автор выражает признательность Вячеславу Таранову
за помощь в издании данной книги**